

№35, 2009

№35, 2009

Qasevet

историко-этнографический журнал

история • культура • памятники • мифология

ФОРМИРОВАНИЕ
КРЫМСКОГО
МИФА В СССР

ИСТОРИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОГО ЯДРА
КРЫМТАТАРСКОГО
НАРОДА

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И ОПЫТ
РОССИЙСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
XIX– начала XX вв

НА ПУТИ РАЗВИТИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ КРЫМА

Qasevet

историко-этнографический журнал

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ НАУКА
Дмитрий Николаенко
ФОРМИРОВАНИЕ КРЫМСКОГО МИФА В СССР.
Из книги «Рефлексия о советском пространстве и времени. Очерки советской исторической и географической науки»2

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТОЧКИ ОТСЧЕТА
Рефат Куртиев
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ЯДРА КРЫМТАТАРСКОГО НАРОДА.
Часть 1. Историография гипотез этногенеза крымтатарского народа (второй половины XX – начала XXI вв.)15
Часть 2. Мифический этноним «татары» и этнос «крымские татары»17
Часть 3. Особенности условий формирования этнического ядра крымтатарского народа (конец IV – первая половина XVI вв.)26
Часть 4. Этнические предки крымтатарского этноса.....32

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР
Рустем Эминов
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОПЫТ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XX вв49

ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ
Дамир Исхаков
НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КРЫМА61

Историко-этнографический журнал.
Издается с 1984 года.
Регистрационное свидетельство
№28 от 23 октября 1992 года

Главный редактор,
составление,
менеджмент
Шевкет КАЙБУЛЛА

Дизайн, верстка
Маргарита КОЗЛОВА

Художественный редактор
Анна ТОПОРКОВА

Корректор
Миляра СЕТТАР

Выражаем благодарность
за предоставленные материалы
и участие: авторам,
Государственному комитету по
делам национальностей и религий.

В издании использованы
материалы сайтов
roskraeved.ru
rada.crimea.ua
krym.sarov.info
vokrugsveta.ru
summerincrimea.com.ua
larichesse.com
travel.kyiv.org
lindvoforum.net
cozy-corner.com
wikipedia.org
interkavkaz.info

Адрес редакции:
95001, АР Крым, г. Симферополь,
ул. Жидкова, 40,
тел.: (0652) 27-21-10.

Подписано в печать 30.04.2009.
Формат 60х84 1/8.
Бумага мелованная.
Печать офсетная.
Условных печ. листов 15.
Заказ №253. Тираж 2000 экз.

ФОРМИРОВАНИЕ КРЫМСКОГО МИФА В СССР

из книги «Рефлексия о советском
пространстве и времени.
Очерки советской исторической
и географической науки»

Дмитрий
НИКОЛАЕНКО

Некоторые археологические данные становятся в высшей степени известными и превращаются в расхожий образ массового сознания. Многие археологические данные даже не могут выйти на уровень рутинного употребления специалистов. Они, в основном, есть достояние тех, кто стал непосредственным участником раскопок. Некоторые археологические находки, скажем деликатно, теряются (не сохраняются, не музеефицируются, скажите, как хотите).

Почему происходит такое разделение в судьбах археологических данных? Почему археологическая информация, которая, казалось бы, одинаково важна, так как есть бесценное знание о прошлом, столь различается в последующей своей судьбе?

Мы понимаем, что работа будет встречена однозначно негативно. Об этом говорит многое. Специалисты шарахаются от той тематики, которая для нас стала основной. Расскажем случай из жизни. Мы попросили поставить доклад на семинаре

... Основное, что нас интересует в данном тексте, связано с особенностями превращения исторической информации в историческое знание. Археологические данные в данном аспекте исключительно важны. Они активно получают специалистами, сочетающими умственный и физический труд. То есть, они не носят случайного характера. Далее, с ними начинают приключаться самые странные, с нашей точки зрения, явления.

в Отделе Востока Эрмитажа (Санкт-Петербург). Тема связана с анализом превращения археологической информации в историческое знание. Доклад должен был состояться 5 марта 2003 года. Все было договорено с Григорием Львовичем Семеновым, заведующим отделом Востока Эрмитажа. Также уточнялись детали с научным секретарем отдела Светланой Борисовной. Была встреча и упоминание относительно доклада с Марком Григорьевичем Крамаровским, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Отдела Востока. М.Г. Крамаровский занимается раскопками в Старом Крыму 25 лет. Нам представлялось в высшей степени важным и интересным присутствие на докладе человека, имеющего такой большой опыт полевых археологических работ в Крыму и особенно в Старом Крыму. Доклад был связан с крымской тематикой.

Несмотря на все договоренности, доклад не состоялся. Поводом стало то, что мы «не подтвердили» свое намерение выступить. Повод выбран неубедительный, так как все было четко определено (тема, место и время). Можно сказать, что случайность, но такого рода феномены, когда историки не хотят контактировать с коллегами из других специальностей, характерен для постсоветского научного сообщества¹. Контакт откровенно боится. Есть клановое научное сообщество. Есть свои писанные и не писанные законы поведения. Отходить от них ни под каким видом нельзя. Научное сообщество историков защищается от нежелательных изменений и новинок в целом. Разумеется, основанием служит профессионализм этих людей.

Примерно аналогичная история была с попыткой выступления в Пушкинском доме Санкт-Петербурга, то есть Институте русской литературы РАН. Была просьба поставить доклад, и были контакты с профессором Твороговым. Профессор Творогов — один из ведущих специалистов по каноническому пониманию «Слова», как подлинного текста XII века. У коллег-филологов, также не оказалось времени послушать профессора, который написал монографию, относительно «Слова», проанализированного с новых позиций. Причина в том, что позиции нежелательны. Получилось, что «Сло-

во», в его окончательном варианте, было отредактировано Карамзиным. То есть, это не XII век.

Смысл такого рода поведения представителей российского научного сообщества в старательном уклонении от нежелательных, несанкционированных новинок. Никто не должен вмешиваться в дела их научного сообщества. Это могут быть историки, географы, специалисты по «Слову о полку Игореве», кто угодно. Они приватизировали свои научные дисциплины и направления, и никого со стороны слушать и читать не хотят. Прошлое должно оставаться под контролем научного сообщества. Оно как раз и создано для такого контроля. Желаем успехов, но поскольку у нас свои научные интересы, изложим суть своей позиции письменно.

Итак, данный текст представляет собой собрание очерков, которые могут, с нашей точки зрения, быть важными для понимания восприятия информации, получаемой археологами и историками, и трансформации этой информации в историческое знание, то есть усвоенную информацию.

В тексте все ссылки на собственные работы сделаны по третьему изданию «Сочинений». Оно наиболее полно отражает основной массив публикаций по теории социо-культурных систем, на которую мы опираемся в данной работе². В это издание вошли наиболее значимые приложения данной теории³.

История Крыма, в российской социо-культурной системе (СКС), никогда не исследовалась независимо. Причина в том, что история Крыма стала активно формироваться после его присоединения к Российской империи. В изложение — формирование крымской истории всегда закладывался строго определенный социо-культурный смысл и интерес.

В некоторые периоды это делалось более деликатно, но некоторые российские (советские) идеологи-историки переходили к откровенно упрощенной форме. Последние весьма важны для анализа. Примитивизм имеет ту прелесть, что делает исходные посылы более очевидными. Примером целенаправленного формирования примитивной исследовательской исторической установки на прошлое Крыма мо-

жет быть послевоенный период времени (1945–1980-е годы).

Рассмотрим послевоенные установки на крымскую историю. Они важны по причине того, что доминировали с 1944–45 годов до конца 1980-х годов. Начало этого периода связано с депортацией нерусского населения из Крыма (крымских татар, греков, армян, болгар, немцев). Окончание периода связано с крахом советской идеологии и развалом СССР.

Данный период цельный. У него четко определенное начало и логическое завершение. У него своя идеология, которая берет истоки в прошлом, но в своем конкретном виде, имевшая место только на протяжении 40–45 лет.

Для понимания этого периода в особенности важны установки, заложенные в начале 1950-х годов. В дальнейшем была рутина, связанная с бесконечным пересказом того, что было разрешено (приказано) говорить. Важно и то, что, начиная с 1960-х годов, крымская мифология, стала настолько привычной, что о ней, скорее, никто и не задумывался.

Анализ проводится не для восстановления «исторической правды». Тем более, это не анализ для критики конкретных лиц. Бог с ними. Это винтики идеологической машины. Они знали, что и зачем делали. Мы хотим понять особенности научной рефлексии в отношении регионов, которые подвергаются активному социо-культурному переосвоению. В Крыму произошла очередная замена населения и СКС, воспользовавшись войной, провела очередные депортации. Под такого рода действия нужно было перефор-

¹ Мы занимаемся, в основном, географической наукой.

² Николаенко Д.В. Сочинения в 18-ти томах. CD-ROM издание. СПб.: Амадеус, 2002. 5290 с.

³ Николаенко Д.В. Морфология социо-культурных образований // Культура народов Причерноморья. — 1998. — № 2.; Николаенко Д.В. Социо-культурные миры. Том 1: Пространственно-временная динамика социо-культурных систем // Константы: Альманах социальных исследований. — 1998. — Специальный выпуск I.; Николаенко Д.В. Социо-культурные миры. Том 2: Пространственно-временная динамика буферных зон // Константы: Альманах социальных исследований. — 1999. — Специальный выпуск II.; Д.В. Николаенко Д.В. Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территорий. Дисс. доктора геогр. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1999.; Николаенко. Рекреационная география. М. Владос. 2001. 288 с.

мить прошлое. Это и было сделано. Дело не в конкретных лицах, а в проявлении социо-культурного процесса переосвоения территорий и рефлексии по поводу этого процесса. История Крыма этого времени, есть только частный случай более общих синергетических процессов.

Претория, ЮАР, 16 мая 2003 года

ЧТО У ТРЕЗВОГО НА УМЕ, У... НА ЯЗЫКЕ⁴

Есть множество работ, как монографий, так и статей по крымской истории, написанных с жестких советских позиций. Историки этого периода времени как никогда близко стояли к карательным органам. Не случайно многие выпускники исторических факультетов (с удовольствием) находили работу и именно в карательных и идеологических органах. Это давало стабильность и уверенные перспективы. И первое, и второе бессмертно в российской СКС. История перестала быть наукой, и стала носить откровенно карательно-воспитательно-промывательный характер. Было сформировано многочисленное профессиональное историческое сообщество, которое позволяло дать отпор идеологическим врагам СССР в любом направлении. Врагов было много, и историков, по этой причине, было чрезвычайно много. Рыбаков, среди них, один из первых.

Любопытно, что советское научное историческое сообщество сохранилось и поныне. Именно по этой причине важно проанализировать методологические и теоретические установки одного из его лидеров и посмотреть особенности их воплощения в конкретные интерпретации истории Крыма.

Есть замечательная публикация академика Б.А. Рыбакова о том, как нужно писать крымскую историю⁵. Она не вполне известна по причине своей (не) открытости, последние несколько десятков лет. Вероятно, данная публикация изымалась из библиотек в постсталинские времена. Вместе с тем, ее принципиальные положения, в замуфлированном виде, проводились историками вплоть до конца 1980-х годов.

Кто такой Рыбаков и какое он место занимал в советской исторической науке, мы уже писали⁶. То, что такой гигант советской истории коснулся крым-

ского прошлого, очень показательно. Работа Рыбакова «Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований» наиболее показательна в советской послевоенной рефлексии о Крыме. Она необычна своей кристальной чистотой. Это редкий пример идеологической работы, именно по теоретическим и методологическим исследовательским установкам, именно на крымскую историю. Обратим внимание на наиболее характерные и интересные моменты этой жесткой советской интерпретации крымской истории.

В брошюре Рыбакова необычно следующее. Первое – столичный академик пишет специальную работу по методологии интерпретации региональной истории. Правда, этот регион Крым, из которого не так давно были депортированы многочисленные нерусские люди.

Еще более необычно, что работа издается в Симферополе. Традиционно работы московских авторов издавались в Москве. В данном случае, сочетание почти парадоксальное. Рыбаков был слишком большим начальником, от исторической науки, чтобы писать региональные работы. Наличие такого текста странновато.

Тираж брошюры 800 экземпляров. То есть, по времени издания (1952 год), это почти работа для служебного пользования. Тиражи были, как правило, очень большие. Мелкий тираж – показатель внимания к данной теме со стороны столичного начальства.

Крымская история всегда играла важную роль для российских историков по причине того, что это регион переосвоения. На момент его присоединения к Российской империи, здесь была государственность иного социокультурного образования. Именно с этим связано большое количество проблем и вопросов, выходящих далеко за пределы региона. Крымская история носит во многом индикативный характер для всей истории – идеологии российской СКС.

Второе – работа Рыбакова явно предназначалась для историков. Это была не работа для широких слоев населения, а для формирования правильной, то есть научной установки на историю Крыма у «армии советских историков». Им нужно было объяснить,

Рыбаков Б.А.

как понимать тот или иной вопрос крымской истории. В силу опасности данной тематики и высокой степени неопределенности некоторых вопросов крымской истории новейшего периода времени, нужно было специальное пояснение. Работа Рыбакова выполняла эту задачу.

Примеров работ такого рода немало. Обычно исторические работы метауровня носят более скрытый характер. Высказываемые тезисы в них не столь очевидны. Работа Рыбакова в этом отношении исключение.

УКАЗАНИЯ ТОВАРИЩА СТАЛИНА И КРЫМСКАЯ ИСТОРИЯ

В советский период времени совершенно естественным было исходить, в интерпретации крымской истории, из идеологических документов. Как говорила партия, так и повторяли историки. Рыбаков опирается на труды Сталина. Поскольку у Сталина не было трудов именно по Крыму, то за основу берется интерпретация... языкознания. Казалось бы, связи нет. Но это, только «казалось бы». Как показал Рыбаков, связь прямая.

Рекомендация академика однозначная. «Советским историкам, изучающим прошлое Крыма и Причерноморья, необходимо пересмотреть свои взгляды и методы работы под углом зрения сталинских трудов»⁷. Это легко сказать, но сложно сделать. Языкознание – самая ближайшая область сталинских научных увлечений к истории Крыма. Остальные еще дальше. Имен-

но по этой причине Рыбаков пишет тезисы, относительно понимания крымской истории в свете трудов товарища Сталина.

Такого рода примитивное, в своей однозначности, изложение установок на историю Крыма, и указание на труды первого лица государства, как основу понимания региональной истории, есть явление не вполне обычное даже для российской СКС. Советский период, и в особенности послевоенный период времени (1945–1980-е годы), был особым временем. В случае с Крымом, нужно было срочно провести воспитательную работу среди профессиональных историков. Это порождало и некоторую упрощенность, даже по советским меркам.

ВКЛАД В ГЕОГРАФИЮ

Первое, что отмечает Рыбаков, – тезис относительно географической близости Крыма и Русской равнины. Кстати, в специальной географической литературе, она обычно называется Восточно-европейской равниной. Природа не всегда знает о последней версии государственной границы, проходящей по равнине, и по этой причине не сразу отделяет ее физико-географические характеристики от заграничной части. Историки, в этом отношении, идут впереди природы. Они не только лепят время, но и меняют природу.

Тезис о географической близости Крыма и Русской равнины носит идеологически определенный характер. Говорить относительно близости истории освоения Крыма и русских территорий за исторически значимый промежуток времени нет ни малейшего смысла. Сколь бы много не генерировалось новинок типа тмутараканского камня, херсонесской присяги и иного, все равно мало, что говорит относительно близости истории Руси и Крыма. Тезис о географической близости ставит вопрос несколько по-новому.

Рыбаков пишет: «Несмотря на кажущуюся географическую изолированность Крымского полуострова, он, тем не менее, на протяжении всей своей исторической жизни был неразрывно связан с Русской равниной». Основанием для тезиса является то, что некоторые реки имеют устья, которые «сходятся вокруг Крыма»⁸. Отрицать это сложно, но и что-то определенное за-

ключить столь же нельзя. Тем более что устья рек не столько «сходятся вокруг Крыма», сколько впадают в Черное и Азовское море, севернее Крымского полуострова.

Тезис о географической близости Крыма и Русской равнины сам по себе не имеет реального значения для исследования истории Крыма. Это чисто идеологическое вступление. Нужно показать несостоятельность Крыма как некоего самостоятельного региона. Обращается внимание на смешение географического и исторического аспектов, в интерпретации Рыбакова. Тезис – преамбула к последующей советской интерпретации истории Крыма.

ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛОГО И ЧАСТИ

После вклада в географию, следует тезис относительно того, что «крымский полуостров ни разу в истории не представлял собою какого-либо целостного государства. Или в Крыму было несколько небольших государственных образований, или же весь полуостров, или часть его входили в состав государств, связанных с Восточной Европой»⁹. Далее говорится, что «ни одно из исторических явлений в Крыму нельзя рассматривать изолированно, без связи с судьбами не только Северного Причерноморья, но и всей Восточной Европы. История Крыма – неотъемлемая и важная часть истории Восточной Европы»¹⁰.

В идеологической интерпретации крымской истории, со стороны российских историков, данный тезис играет исключительно большое значение. У него есть два аспекта. Первый – связанность Крыма с некими социокультурными образованиями. Второй – связанность Крыма именно с Восточной Европой.

Первый аспект верен. Крым никогда, в силу того, что географически это небольшой регион, не мог быть совершенно изолирован от своего окружения. Но, с равным успехом, можно утверждать аналогичное и по множеству иных регионов. Вступать в дискуссии по этому вопросу бессмысленно. Для Рыбакова это только необходимое начало советской концепции освоения Крыма.

Второй аспект откровенно некорректен. Есть большое количество периодов крымской истории, когда его отношения с Восточной Европой, и тем

более с Русью, не играли практически никакого значения ни для одной стороны. Они, может быть, и были, но носили вполне случайный характер. Позднее появились сказки историков. Например, прохождение легендарного «русского фантомаса» Афанасия Никитина через Кафу, то есть Феодосию. Но даже такие легенды ничего не говорят относительно неких устойчивых связей Руси и Крыма.

В дальнейшем анализе освоения Крыма мы будем детально рассматривать вопрос относительно освоения Крыма как части варварско-кочевой СКС¹¹. Детально будет рассмотрен и вопрос относительно переосвоения Крыма в рамках российской СКС. Сейчас не будем вдаваться в детали. Отметим только, что тезис Рыбакова держится на серьезнейших фальсификациях крымской истории. Строго говоря, это даже не фальсификация, а просто выдумка, удобная в идеологическом отношении. Фальсификация подразумевает определенное искажение реальности на неких источниках. В данном случае, введен тезис, который подкрепляют не источники, а карательные и идеологические органы.

Тезис о том, что «ни одно из исторических явлений в Крыму нельзя рассматривать изолированно, без связи с судьбами не только Северного Причерноморья, но и всей Восточной Европы. История Крыма – неотъемлемая и важная часть истории Восточной Европы»¹² введен для внутреннего советского употребления. Он критики не выдерживает. Основанием его введения

⁴ Подставьте нужное слово.

⁵ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – 17 с.

⁶ Николаенко Д.В. Академик Рыбаков и другие советские историки // www.nikolaenko.ru

⁷ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 3.

⁸ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 3.

⁹ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 3 - 4.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 4.

¹¹ Николаенко Д.В. Варварско-кочевая СКС. Сочинения. Том. 9. СПб.: Амадеус, 2002 // www.nikolaenko.ru

¹² Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 4.

стал новый виток освоения Крыма после депортации нерусского населения в 1944 году.

ОТ АДАМА И ЕВЫ ДО XXV СЪЕЗДА КПСС

Следующий тезис Рыбакова основан на линейной концепции времени, в ее жестком марксистско-ленинском понимании. Есть поступательное историческое развитие. Есть негативные и позитивные факторы, которые влияют на историческое развитие. Соответственно, есть реакционные, и прогрессивные явления, люди, идеологии, все что угодно. Излишне говорить, что все позитивное связано только с текущим советским пониманием всего. Все негативное с тем, что не соответствует текущему советскому пониманию всего. Рыбаков знает, что есть прогрессивное, а что реакционное.

Пишется: «При изучении истории Крыма необходимо учитывать глубокие внешне исторические факторы, в смысле их влияния на развитие и торможение местных производительных сил. Нужно правильно оценить для развития Крыма такие исторические события как греческая колонизация, сложение скифского государства, римская и византийская агрессия, образование русского княжества на территории Крыма (Тмутараканское княжество), завоевания Крыма кочевниками (хазарами, половцами, татарами), захват крымских городов генуэзцами, завоевание Крыма Турцией»¹³.

Далее, оценка крымской истории Рыбаковым ведется с точки зрения разделения прогрессивного и регрессивного, внесенного в крымскую историю за последние 2700 лет. Для Рыбакова нет различных культур, нет разнообразия их ценностных установок, меняющихся, кстати, и в зависимости от исторического развития. Есть только однозначное линейное развитие. Оценка прошлого, какое бы оно не было дальше, ведется только с узкой точки зрения текущих партийных интересов.

В основании такой оценки четко прослеживаются задачи очередного периода социо-культурной ассимиляции Крыма. Декларировать можно что угодно, но фактические задачи советского послевоенного периода освоения Крыма были связаны именно с ассимиляционными процессами. Эти процессы не стоит связывать только с некими малыми народами Севера или североамериканскими индейцами. Это гораздо более общий процесс. После депортации из Крыма основной массы нерусского крымского населения начался новый этап ассимиляции территории региона. Под него и формировался новый образ региона, всего его прошлого.

Критиковать столь примитивную и агрессивную точку зрения, как у Рыбакова, очень сложно. Она слишком проста и агрессивна для научного анализа. Ее можно только прояснить, и понять, с чем она связана. С такой позицией можно (не) согласиться, в зависи-

мости от собственных установок и интересов. Важно отметить и то, что столь примитивные линейные построения есть порождения строго определенных периодов идеологической борьбы СКС, и практических ассимиляционных процессов в Крыму.

После определения неразрывности связи Крыма и Русской равнины, и декларации относительно того, что именно Рыбаков все знает о том, кто прогрессивный, а кто реакционный в истории Крыма за последние 2700 лет, начинается оценка различных исторических периодов крымской истории.

Рыбаков последователен. Народы, оставившие свой след в истории Крыма, оцениваются как прогрессивные или реакционные, якобы с точки зрения работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В реальности, оценка делается с более общих советских интересов. Сталин, со своими упреждениями в языкознании, не имеет отношения к данной интерпретации.

В последующие времена столь однозначная точка зрения стала чем-то неприличным у историков, но неприличность состояла именно в ссылке на Сталина, а не в самом методологическом подходе. Когда выяснилось, что при Сталине был «культ личности Сталина», его заменили другие лица. «Вопросы языкознания» заменили другие, столь же универсальные партийные работы. Методологический принцип историков не изменился.

Невозможно удержаться от сравнения. Академик Рыбаков, в своем понимании времени, подобен Шарикову, с его однозначными и категоричными оценками¹⁴. Он все знает, и все вопросы решает четко, ясно и, порой, неожиданно. Рыбаков-Шариков кого-то любит и ценит, а кого-то не очень любит, и не очень ценит. Все это очень интересно, и по этой причине дадим слово «академику Шарикову».

ПЯТЬ ПРИЧИН ЛЮБВИ К ГРЕКАМ

Любовь чувство деликатное, сложно уловимое, но не для советского историка-академика. Здесь все имеет рациональные советские основания.

Рыбаков любит греков.

Греки в Крыму Рыбакову нравятся.

Греки в Крыму прогрессивные.

«Основание в Крыму городов-полисов эллинскими выселенцами имело

большое положительное значение для исторического развития Крыма, так как приобщило его к высокой античной цивилизации. Симбиоз греческих городов и местного населения привел к созданию своеобразной культуры Причерноморья»¹⁵.

В любви к грекам нынешних российских и недавних советских авторов есть общие основания. Почему российским авторам, в целом, и академику Рыбакову, в частности, нравятся греки? Шарикову нравились слоны и не нравились коты. Рыбакову и советским авторам нравятся греки и не нравятся татары в Крыму. Почему? Выскажем свое предположение. Причин несколько.

Первая причина. Вероятно, потому, что греки не татары и, очевидно, отличаются от татар. Это основная причина, по которой российские авторы любят греков в Крыму во все времена. Греки есть живое свидетельство того, что Крым не был только татарской территорией.

Важно и интересно, что теоретическая любовь российских авторов к крымским грекам не избавила последних от систематических практических депортаций со своей родины. Начал Суворов. Закончилось работой НКВД в 1944 году. Любовь в российской СКС – дело суровое, как и добро, которое «должно быть с кулаками». Вполне понятно, что большое добро, должно быть с «большими кулаками». Случай описан советским поэтом.

Вторая причина любви к прогрессивным грекам связана с тем, что они «выселенцы». Этот казенный партийно-карательный термин, в данном случае, очень важен. Известно где находится родина греков, и понятно, что они не могут претендовать на некие особые права в Крыму. Греки живут в Греции, а не в Крыму. И сколь бы долго греки ни жили в Крыму, для Рыбакова-Шарикова они всегда будут выселенцами-переселенцами. В конечном итоге, так и произошло. Случилось это позднее, и крымским грекам немало помогли в этом отношении.

Третья причина любви связана с тем, что крымские греки были сильно ассимилированы в российской СКС. Мы любим тех, кто похож на нас. Мы не терпим отличий. Греки, сохраняя свою этническую идентификацию, оказались, в целом, подвержены ассимиля-

ции. Они легко вписывались в российскую СКС. У греков не было сопротивления ассимиляции со стороны российской СКС. Первый раз это проявилось в процессе (пере)(вы)селения войсками Суворова крымского христианского населения за пределы Крыма. Это был первый случай насилия, активно способствовавшего ассимиляции. Далее шло примерно в том же духе. Склонность крымских греков к ассимиляции рождает благосклонное отношение к ним российских властей и любовь историков-идеологов.

Четвертая причина любви связана с тем, что крымские греки – христиане, и по этой причине рассматриваются как антипод мусульман-татар, даже в атеистические советские времена. Все-таки, «почти свои». В некоторые исторические периоды конфессиональная идентификация играет важную роль. В некоторые времена, она теряет свое значение, но, в целом, не исчезает никогда.

Пятая причина любви российских историков всех времен к крымским грекам связана с тем, что они не претендуют на свой вариант крымской истории. Среди всех этносов, проживавших в Крыму, греки имеют самую длительную региональную историю. Они имели города-полисы, то есть государственность. Но это было давно, и претендовать на нечто самостоятельное, в современные времена, у них нет оснований. Это приятно отличает их от крымских татар, которые все еще не могут забыть о своей прошлой государственности. Их за это пришлось всех даже выслать из Крыма.

Греки, так же как и Рыбаков, строят крымскую историю по линейным принципам и делают это с антитатарских позиций. Яркий пример связан с работами современного греческого крымского историка Кесмеджи¹⁶.

НАШИ СКИФЫ

Академику Рыбакову также нравятся скифы. В исторических работах послевоенного периода времени порой даже встречается термин «наши скифы». Они действительно «наши», как это ни странно. Наши, поскольку близки Советской власти идеологически. Это кажется еще более странным, но удивляться не стоит. Пишется следующее: «Образование в Крыму скифского

государства, имевшее большое прогрессивное значение, и усиление местного элемента в полугреческих городах выдвинуло на первое место аборигенные племена Причерноморья, и поэтому внешние силы, которые пытались овладеть Крымом и насильственно оторвать его от Восточной Европы, должны рассматриваться как препятствие в развитии производительных сил полуострова»¹⁷.

Скифы есть любимый крымский этнос российских и советских авторов. Дело не в стихах А. Блока и его утверждениях, что русские и есть скифы. Дело более серьезно. Причин любви к скифам также много. Рассмотрим их.

Первая причина любви к скифам связана с тем, что они не крымские татары. Это, скорее, основное. Это общая причина любви к самым различ-

¹³ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 4.

¹⁴ Булгаков М.А. Собачье сердце. Издание не указываем. Суть Шарикова не меняется в зависимости от того, на какой бумаге издано данное произведение.

¹⁵ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 4.

¹⁶ Кесмеджи П.А. Греки Крыма. – Симферополь: Амена. Без указания года. 132 с.; Кесмеджи П., Кесмеджи Г. Княжество Феодоро. – Симферополь: Таврида. – 1999. – 120 с.

¹⁷ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 4.

ным народам, некоторое историческое время связанным с Крымом. То, что скифы не могли иметь ничего общего с крымскими татарами, вполне понятно. Их разделяет большое историческое время. Но прогрессивность скифов связана именно с тем, что в терминах Рыбакова они есть нечто противоположное татарам.

Вторая причина любви к скифам связана с тем, что они жили на данной территории достаточно давно и имели свою государственность. В данном случае, государственность есть плюс, а не минус, как у крымских татар. Вопрос относительно скифской государственности очень неоднозначный, но принято считать, что у них было свое государство.

Относительно государственности в варварско-кочевой СКС появилась и новая точка зрения. Она связана с теорией СКС¹⁸. Но теоретические научные рассуждения для историков Крыма мало интересны. Более всего, важна идеология. Наличие скифской государственности важно именно в идеологическом отношении. Крымское ханство было не первым государством на территории Крыма, и поэтому татары есть кочевники и пришельцы. Их государственности в Крыму предшествовало государство греков-выселенцев и скифов – местных элементов.

У крымских татар нет оснований претендовать на особые права в Крыму. Они такие же мигранты, как, например, русские переселенцы в Крыму, приехавшие сюда из Горьковской области, после Второй мировой войны. Скифскую государственность российские авторы любят, в основном, по этой причине.

Разумеется, исследование вопроса относительно скифской государственности, именно по этой причине, затруднено. Идеологический штамп и вероятность отклонения от него убивают возможность объективного исследования, соотношения государственности греческих колонистов и народов варварско-кочевой СКС в Крыму.

Третья причина любви к скифам связана с тем, что есть «местный элемент». Любой местный элемент, только нетатарского вида, даже если это черт с рогами или без рогов, будет приветствоваться российскими авторами. Крым, действительно, есть регион периодических миграций. От прежнего доминирующего этноса порой остает-

ся только название. Материальные и духовные свидетельства его пребывания на территории Крыма начинают носить полуполюгендарный характер. Для их исследования нужно быть особенно деликатным и последовательным. Задача сложна и в научном отношении. Но в силу идеологических причин, это как раз и не делается. И без того сложная крымская история сознательно фальсифицируется. Скифы оказались прогрессивным «местным элементом», и поэтому был задан их строго определенный образ. Произошла «позитивная мифологизация» скифов.

Эта же судьба, в определенной степени, распространилась и на крымских татар. Но в данном случае произошла «негативная мифологизация» истории этого народа. Сложно найти в Крыму более «местный элемент», чем крымские татары, но именно поэтому, тщательно выделяются нетатарские «местные элементы» и вводятся жесткие идеологические штампы прошлого. Скифы, среди нетатарских «местных элементов», занимают первое место. Тавры – слишком легендарный народ. Это нечто наподобие кентавров древнегреческой мифологии или чего-то аналогичного. То есть, были – не были, непонятно.

Четвертая причина любви к скифам в Крыму связана с предполагаемым ареалом их распространения. Рыбаков настаивает на связи Крыма с Восточной Европой. Для него это очень важный идеологический тезис. Скифы имели большой ареал распространения. Выражаясь в терминах теории СКС, ареал распространения скифов был связан с ареалом варварско-кочевой СКС в целом. Для советской идеологии это очень важно по причине того, что многие, исторически давно освоенные в российской СКС территории, перешли ей от варварско-кочевой. Они были ассимилированы вместе с их населением¹⁹. То есть, появляется отличная возможность связать Русь с Крымом. Для идеологии послевоенного периода, создававшей образ Крыма без крымских татар, это очень важно.

Вероятно, есть и иные причины любви российских авторов к скифам в целом и скифам в Крыму, в частности. Скифы важны для советской идеологии, и мимо такой темы советский историк Крыма не может пройти.

ПОСМЕРТНАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЭКСПРОПРИАТОРОВ

Рыбакову скифы важны для противопоставления Крыма и римской, византийской и генуэзской «агрессии». Подчеркнем этот странный, в данном случае, термин. Римляне, генуэзцы и византийцы в Крыму рассматриваются им именно как агрессоры.

Попытаемся разобраться в этой странной логике. Это уже, отчасти, паранормальная история. Но объект нашего исследования – академик Рыбаков и его интерпретация крымской истории, поэтому следуем за всеми извилинами его партийной мысли.

Рыбаков настаивает на том, что указанные выше народы есть «внешние силы» в Крыму, и должны рассматриваться как препятствие в развитии производительных сил полуострова.

Утверждение противоречиво и нелогично. «Внешние силы» или нет, это вопрос для обсуждения, но то, что они могли тормозить развитие «производительных сил» полуострова, бесмыслица. В этом есть явная нелогичность, даже с точки зрения марксизма-ленинизма. Она связана с тем, что скифы были кочевники. Поздние скифы стали вести более оседлый образ жизни, но все равно явно доминировало кочевое животноводство и связанный с ним образ жизни. Только беднейшая часть скифского населения становилась оседлой. Это было вынужденная мера, и на нее шли от крайней нужды.

Но даже вполне оседлые скифы могли периодически переходить на новые, и достаточно удаленные от Крыма, территории. Среди всех описанных в мировой науке видов оседлого населения, скифы были не самым развитым и не самым оседлым. Кочевники в целом, и кочевники в Крыму, обычно в советской науке, интерпретируются как нечто реакционное. Это связано не только с Крымом. Тезис носит общий, для марксизма-ленинизма, характер²⁰.

Римляне, византийцы и генуэзцы не были кочевниками. Это оспаривать никто не станет. Следовательно, с точки зрения производительности и прогрессивности производительных сил, они были на порядок выше скифов. То есть, Рыбаков не прав.

Но так упрощенно рассматривать крымскую историю категорически

нельзя. Она вся состоит из специальных случаев. Рыбаковым вводится странный оборот относительно того, что Римская империя, Византийская империя и государство Генуя были в Крыму агрессорами, и присутствовали только для эксплуатации «местного населения». По этой причине они должны рассматриваться как реакционные. То есть, дело не только в абстрактной прогрессивности оседлого населения и отсталости кочевников в целом. Оседлое население также бывает различным. Местные кочевники советскому автору ближе, чем оседлые агрессоры, пришедшие из враждебной Западной Европы, чтобы тормозить развитие производительных сил Крыма с I по XV века.

Рыбаков приказывает советским историкам Крыма понимать ситуацию следующим образом: «Завоевание Крыма большими державами, связанными с ним морскими путями (Рим, Византия), не могло способствовать развитию местных производительных сил, так как Крым рассматривался этими державами как объект эксплуатации, как стратегический пограничный пункт, как опорная база для военно-дипломатических операций и как рынок рабов, покупаемых у кочевников»²¹.

В данном тезисе-приказании букет допущений. Рассмотрим их. «Большие державы», которые исторически долгое время контактировали с приморскими районами Крыма, и вполне гармонично сочетались с его «местным населением», представленным людьми варварско-кочевой СКС, оцениваются крайне негативно. Причины следующие.

Основная причина в том, что «большие державы» вели политику на социо-культурное освоение Крыма. Их присутствие в Крыму не был кратковременным захватом, кратковременной эксплуатацией.

Со стороны Римской империи как государства, унаследовавшего контроль греческих приморских поселений, и со стороны Византийской империи, также во многом унаследовавшей греко-римские приморские поселения, имела место политика систематического освоения территорий. В том числе, и территории Крыма.

Есть гигантское количество источников, дающих информацию о римском и византийском историческом периоде. Казалось бы, здесь не может быть никаких априорных утверждений. Есть мно-

гочисленные письменные источники. Возможен их сравнительный, взаимно дополняемый анализ. Есть множество археологических объектов, связанных с Римской и Византийской империей. В том числе, в Крыму. Нужно только вести их исследование, систематизировать данные. Но именно по причине проверяемости и неподконтрольности данного периода освоения Крыма вводится жесткий априорный тезис. Советские историки должны в один голос говорить то, что «рекомендуется» Рыбаковым. Иностранные книжки нечего читать. Занятие вредное во всех отношениях.

Социо-культурные особенности освоения территорий Римской и Византийской империи описаны с позиций теории СКС. Текст не очень обширный, но он дает вполне корректное представление о том, как интерпретируется теорией СКС процесс освоения периферийных, для этих империй, территорий²². Случай с Крымом очень тривиальный. Империи были очень большие, и Крым не был для них чем-то уникальным. На него, в полной мере, распространялся имперский стандарт освоения территорий. Нет малейшего основания, говорить относительно уникальности этого региона. В советской же интерпретации, Крым есть совершенно особый случай для римлян, византийцев и генуэзцев.

Рыбаков отчасти поясняет причины негативного отношения к Византии. Оказывается в X–XIII веках роль Византии была «резко отрицательной, так как и император и патриарх стремились оторвать крымские области от связи с Русью, и использовали Крым в качестве стратегического района, откуда можно было направлять удары кочевников на Русь»²³.

Оборот в высшей степени неожиданный. Можно, не без некоторых оснований, говорить о том, что развитие православия на Руси, и в Крыму в частности, было связано именно с Византией. Крещение Руси, именно в Крыму, точнее в Херсонесе (Корсуне), а можно сказать и в «нашем Севастополе», есть легенда. Она была введена российскими историками для обоснования прав Российской империи на те границы, которые она имела на конец XVIII века²⁴. Но усвоение православия на Руси от Византии есть факт. Об этом Рыбаковым не говорится. Оказывается, Визан-

тия пытается оторвать Крым от Руси и делает нечто, в высшей степени, странное – пытается направлять удары кочевников на Русь из Крыма.

В написанное Рыбаковым сложно поверить. Невольно перечитываешь и невольно сопоставляешь даты того, кто и когда существовал. Стоит вспомнить и варяжские походы на Царьград, и многое иное. Получается нечто невероятное. Не станем развивать данное положение. О его запредельной идеологичности и абсурдности говорит многое. Точка зрения теории СКС, как на варварско-кочевую СКС, так и на особенности освоения рассматриваемых территорий, изложена в ряде работ²⁵.

Если бы Рим и Византия были ориентированы на кратковременное присутствие в Крыму и не претендовали на свои стандарты освоения крымской территории, то отношение российских авторов к ним было бы более лояльным. Скорее всего, делался бы акцент на нетатарском происхождении эксплуататоров, то есть римлян, византийцев и генуэзцев. Но поскольку были претензии именно на освоение Крыма, по своим социо-культурным стандартам, то пощады ни римлянам, ни византийцам, ни генуэзцам, от советского автора, нет.

Вероятно, есть и иные причины, по которым исторически длительное римско-византийское присутствие в Крыму, не нравилось академику Рыбакову и историкам российской СКС в целом. Но указанной причины вполне достаточно, чтобы объяснить суть неприязни.

Санкт-Петербург – Претория

¹⁸ Николаенко Д.В. Варварско-кочевая СКС. Сочинения. – Том. 9. – СПб.: Амадеус, 2002 // www.nikolaenko.ru

¹⁹ Николаенко Д.В. Варварско-кочевая СКС. Сочинения. – Том. 9. – СПб.: Амадеус, 2002 // www.nikolaenko.ru

²⁰ Николаенко Д.В. Алтайские экспедиции. Сочинения. – Том. 9. – СПб.: Амадеус, 2002 // www.nikolaenko.ru

²¹ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 4.

²² Николаенко Д.В. Социо-культурные миры. // Сочинения. – Том. 12. – СПб.: Амадеус, 2002 // www.nikolaenko.ru

²³ Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. – Симферополь: Крымиздат. – 1952. – с. 6.

²⁴ Корсунская легенда нами детально анализируется в специальной работе.

²⁵ Николаенко Д.В. Сочинения. – Тома 9, 10, 11. – СПб.: Амадеус, 2002 // www.nikolaenko.ru

Часть первая ИСТОРИОГРАФИЯ ГИПОТЕЗ ЭТНОГЕНЕЗА КРЫМТАТАРСКОГО НАРОДА (второй половины XX – начала XXI вв.)

Освещение вопросов этногенеза и этнической истории любого этноса – сложная проблема. Реконструкция процесса формирования крымтатарского этноса сложнее вдвойне. Дело в том, что в 30–40 гг. XX в. только делались первые шаги по формированию исторических источников. Происходил сбор материалов по традиционной культуре крымтатар. Процесс обрывается в период террора (1936–1938 гг.). Положение осложняется после насильственного выселения (1944 г.) из исторической родины – Крым: уничтожается материально-духовная культура, переименовывается (1944–1948 гг.) крымтатарская историческая топонимия на славяно-советскую систему. Крымтатарам запрещалось обучение в средних и высших гуманитарных учебных заведениях. Советская власть наложила табу на изучение этнополитической истории крымтатар. Почти полвека не формируются исторические источники, историки лишаются возможности заниматься этой темой. Такая ситуация способствует появлению односторонних и поверхностных гипотез о происхождении крымтатарского народа. Авторы, при высказывании мнений, как правило, дают характеристику, не используя данные комплекса наук, а опираются на данные одной науки. Сущность гипотез возможно понять только на фоне этнографической характеристики крымтатар: тюркоязычное коренное население полуострова – крымтатары, самоназвание (эндоэтноним) *къырымлы* (рус. перевод – крымцы), соседи используют (экзоэтноним) *крымские татары* (Народы мира, 1988, с. 434–435). Язык относится к кыпчакско-половецкой подгруппе тюркской семьи языков (Баскаков, 1969, с. 281). Основу антропологического типа составляют представители европеоидной расы (Народы мира, 1988, с. 434).

Этнографическая характеристика создает основу для размышления о содержании гипотезы. При группировании гипотез учитывался характер использования исторических источников и уровень освещения этнических истоков и компонентов, участвующих в формировании крымтатарского этноса. Эти принципы позволяют впоследствии сопоставить сходство и отличие этнических характеристик гипотетических предков с этническими характеристиками крымтатар.

Первая группа гипотез: А. Д. Якобсон в книге «Средневековый Крым» (1964 г., с. 131–132); П. Н. Надинский «Очерки по истории Крыма» (1951 г., с. 58). Авторы гипотезы отмечают, что предки крымтатар – монголоскиты (татары) являются выходцами из орды Чингисхана, Батыя (XIII век), т.е. кочевники-монголы, татары или ордынцы. Основанием для подобного утверждения послужило сходство термина «татар» со вторым компонентом – этнонимом «крымские татары». Авторы подобной версии, прежде всего, оказались во власти термина «татар». Эта «вуаль» отделила их от исторической сущности проблемы.

Несколько слов об этнониме «татар». Этническое имя самоназвание (эндоэтноним) появляется после завершения формирования этнического ядра – этноса. Название же, данное соседями (экзоэтноним), на арене истории появляется на определённом этапе исторического развития и взаимоотношения с соседями. Следует подчеркнуть, что этнос и его этническое имя могут быть не адекватны друг к другу. Этому закону подчиняется и экзоэтноним «крымские татары».

В VI веке татарами называли часть монгольских племен восточной Монголии. Позднее в Китае, в Средней Азии, на Ближнем Востоке этноним «татар»

распространяется на монгольские племена (собственно, монголы, татары, кергиты, меркиты). Чингисхан в 1206 году для названия монгольских племен вводит этноним «монгол». Однако в Восточной Европе население орды именуют татарами. Данным этнонимом называют все население Золотой Орды (сер. XIII – первая половина XV вв.), в том числе и его основное население тюрк-кыпчаков (половцев).

В Крыму этноним татар появляется вместе с вторжением орды Чингисхана. Впоследствии тюрко-кыпчаков степей Крыма, крымского улуса (1236 – вторая пол. XIII в.) и крымского ханства (1443–1783 гг.) соседи называют татарами.

Авторы гипотезы компилятивно используют письменные источники, и население степей кыпчаков называют «татарами» или потомки монголо-татар, считая их предками крымтатар. Для доказательства монгольского происхождения крымтатар опираются на сходства хозяйственной деятельности. Общеизвестно, что тип хозяйства определяется не этническим родством этноса, а определяется одинаковостью уровня социально-экономического развития и обитанием в сходных ландшафтно-климатических условиях евразийских степей (в т.ч. степей Крыма), о чём свидетельствует этническая история евразийских степей средневековья. В разное время там проживали как ираноязычные, так и тюркские общности, которые отличались друг от друга по антропологическому типу, языку и материально-духовной культуре. Все это еще раз подтверждает отсутствие прямой генетической связи между малочисленными монголами (первая половина XIV в., ассимилированы кыпчаками и другими тюркскими племенами Золотой Орды), ордынцами, с одной стороны, и крымскими татарами, с другой стороны.

Образ жизни и традиционная культура крымтатар больше отражает образ жизни земледельца, чем кочевника. Представленная выше информация противоречит монголо-ордынской версии происхождения крымтатар (Куртиев, 1998, с. 16–19).

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что отсутствует основание утверждать то, что первая группа версий является научной гипотезой. Такой подход уводит исследователей от достоверного освещения проблемы.

Рефат
КУРТИЕВ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ЯДРА КРЫМТАТАРСКОГО НАРОДА

где указано, что в формировании крымтатар принимали участие: «...кыпчаки (половцы), уже проживавшие к тому времени в Крыму и, вероятно, осколки других кочевых племен, появившихся еще ранее, в V–XII вв., в Византийской Таврике, в том числе, сельджуки, переселившиеся в Крым из малоазиатских султанатов; монголо-татарские племена, пришедшие на полуостров с войсками Чингисхана, и его тюркизированные потомки местного христианского населения...» (Крымские татары, 2005, с. 21).

В данной версии не определяется характер этнического взаимоотношения мигрантов и местных этносов, не выделяется роль степных предков крымтатар в этнической истории этноса. Остаются неясными многие вопросы об истоках предков и этнических компонентах крымтатарского народа.

Авторы гипотез (всех трёх), как отмечалось выше, не учитывали этнографическую характеристику крымтатар. При определении этнических компонентов односторонне используют исторические источники. Отсутствовал комплексный подход при освещении проблемы этногенеза. Как правило, преувеличивается роль письменного источника, т.е. данные одной науки. Недооцениваются, а, точнее, притесняются антропологические данные, которые не используются для определения этнических истоков и компонентов крымтатарского этноса.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что такой подход определения предков искажает этническую историю крымтатарского народа.

Литература

1. Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – 436 с.
2. Народы мира. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – с. 624
3. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1959. – с.380.
4. Требинская-Шенгер. Крымские татары // Русский антропологический журнал. – Т.: 17. – Вып. 1–2. – М.: Госиздат, 1928. – С.12-52.
5. Алексеев В.П. Материалы из поздних мусульманских захоронений Крыма// исследование по палеоантропологии и краеведологии СССР. – М.: Наука, 1980. – С. 169–181.
6. Куртиев Р.И. Крымские татары: этническая история и традиционная культура. – Симферополь: Оджак, 1998. – 152 с.
7. Севортян Э.Б. Крымскотатарский язык // Языки народов СССР. – Т. 2 – Тюркские языки. – 1966. – С. 234–259.
8. Грунина Т. И. Документы на половецком языке XVI в. – М.:Наука, 1967. - с.429.
9. Крымские татары (хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре). – Симферополь: Доля, 2005. – 568 с.

Вторая группа гипотез исходит, в основном, от тюркологов-филологов Э.В. Севортяна (1986, с. 257–258), Т.Н. Груниной (1967, с. 104) и других. Они, опираясь на анализ лексики крымтатар и иммиграции в Крым кочевников тюрков в период IV–XVI вв., утверждают, что в формировании *крымских татар* приняли участие кыпчаки и другие тюркские племена. Для объективности следует отметить, что язык является одним из главных этнических определителей, однако не основным и не единственным. В этнических взаимоотношениях переход на новый язык сопровождается часто без смены населения и является результатом культурной «ассимиляции» (усваивается язык и религия). Это характерно для тех регионов, где два вступивших в контакт этноса заметно отличаются по антропологическому типу – монгольские веки у крымтатар: горцев – 5% и южнобережцев – 0%, а степных 12% (Требинская-Шенгер Н., 1928, с.480). В этих условиях между этносами срабатывает стереотип и возникает расовый психологический барьер, который создает условия для восприятия языка и религии, а не этнобрачных отношений.

Известно, крымтатары – мусульмане, говорят на тюркском языке тюрко-кыпчакской подгруппы (Севортян Э.В., с. 234–259, Баскаков А.Н., 1960). Таким образом, лингвистические материалы не согласуются с антропологическими

данными и этническими характеристиками этнографических групп. Следовательно, одностороннее использование данных языка не представляет возможности согласиться с мнением второй группы гипотез.

Третья группа гипотез сформировалась в конце XX – начале XXI вв. Характерное содержание гипотезы представлена в книге «Народы мира» (1988), где сказано, что *крымские татары* сформировались в результате слияния мигрантов средневековья, преимущественно кочевников – тюркоязычных и местных жителей горных и прибрежных частей полуострова. (Народы мира, 1988, с. 434–435). Разновидностью третьей гипотезы является книга «Крымские татары» (2005, с.21),

Часть вторая МИФИЧЕСКИЙ ЭТНОНИМ «ТАТАРЫ» И ЭТНОС «КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ»

«...ни один из нынешних народов Татарских не именуется себя Татарами, но каждый называется особенным именем земли своей».

Н.М. Карамзин.

Предисловие

Предлагаемая читателю работа является результатом стремления автора, в меру своих сил и знаний, показать в тезисной форме, на основе анализа письменных источников, отношение этнонима «татары» к этносу «крымтатары» и, таким образом, устранить одно из препятствий на пути к объективному освещению этнической истории крымтатар. Малоизученность этого вопроса позволяет некоторым недоброжелательным историкам и поныне искажать историю крымтатарского этноса. Так, В.Е. Потехин и В.П. Дюличев уже в наши дни в своих работах развивают концепцию Надинского и Якобсона. В.П. Дюличев пишет: «Кочевники татары напали на нашу родину (кстати, чью? – примеч. автора) – вошли в Крым в 1223 году и начинают оседать в восточном районе полуострова (около Судака) и юго-западных районах. К оседлому земледелию начали массово переходить в XVI, особенно в XVI–XVIII вв.» [58, 24, с.3-4, 141-152].

Следуя за вышеупомянутыми авторами, А.В. Суперанская, З.Г. Исаева, К.К. Исакова начинают этническую жизнь крымских татар с вхождения отряда Чингисхана на полуостров: «В 1223 г. темник Ногай, вождь Батыя, изгнал половцев из Тавриды. Соответственно 1223 г. считается началом крымских татар» [66, с.2, 21]. Авторы допускают грубые ошибки, так как темник Ногай действовал при Берке хане, половцы с полуострова полностью изгнаны не были [57], кроме того, слово «вождь», в научном отношении, здесь применено некорректно.

Такого рода утверждения историков уводят от истинного положения вещей и крайне усиливают научную потребность выяснить происхождение

и функционирование этнонима «*татары*». При этом важно досконально разобраться в исторических условиях, способствовавших тому, что соседи нарекли именем «*крымтатары*» коренной народ полуострова, имеющий самоназвание «*кырымлы*» (русский перевод «*крымцы*»).

В истории часто бывает, что *этнос* (народ) при определенных условиях меняет свое название (*этноним*), или название одного этноса переносится на другой. Задача исследователя ответить на непростые вопросы: какие факторы определяют название конкретного этноса, что означает тот или иной этноним. До сих пор о происхождении названий целого ряда народов ведутся длительные споры, особенно если название этноса, живущего (жившего) в другом регионе в силу ряда необъяснимых причин совпадает с ныне живущими этносами. Понять феномен можно, исходя из обусловленности возникновения самоназвания этноса спецификой его происхождения. *Аллоэтноним* (название, данное соседями) народа появляется тоже в конкретной исторической момент его этнической истории. При этом важно отметить, что исследование истории появления и *семантики* (смыслового значения) этнонима (как *эндоэтнонима* – самоназвания, так и *экзоэтнонима* или иначе аллоэтнонима) позволяет лучше понять историю происхождения самого этноса.

Это, на мой взгляд, бесспорное положение относится и к крымтатарскому этносу. Но необходимо четко представлять, что этнонимы «*татары*» и «*крым-татары*», хотя и объединяются словом «*татары*», на самом деле, обозначают совершенно разные народы.

К сожалению, такое созвучие приводит к отождествлению этих совер-

шенно разных этносов. В этом легко убедиться, задав вопрос прохожему на улице, соседу во дворе, учителю в школе и даже преподавателю вуза: кто такие по происхождению крымские татары и татары Поволжья? В девяти случаях из десяти прозвучит ответ, что те и другие являются потомками золотоордынцев, что их более ранние предки – монголы, и в Крыму их появление связано с вторжением монголов Чингисхана на полуостров. Обвинить этих людей в невежестве нельзя, ибо так утверждается не только в школьных учебниках, научно-популярной литературе, но и в вузовских пособиях, в научных трудах историков, которые желают этого или нет, создают условия для увязывания истории народов, носящих имя татары, с Золотой Ордой.

Например:

1. В книге Губарева В.К. История Украины: конспект лекций для студентов и преподавателей. – г. Донецк – 2006 г. В лекции II главы «Монголо-татарское нашествие и его последствия» (составлена коллективом авторов).

2. История: Учебное пособие для поступающих в ВУЗы Украины: часть I. История Украины. – г. Харьков. 2004 г. Глава 5 «Борьба русских земель против монголо-татарского нашествия».

Авторы без учёта изменений в государстве (Орде) этнополитических условий в период (1223–1480 гг.) нашествия и установления монголо-ордынского ига на русских землях, без комментариев, используют *этнотермины* с разной историей происхождения и семантики: монголо-татары [31, с. 42–45; 72, с. 22–25]. В указанных книгах даже не учитывается тот факт, что малочисленные монголы Золотой Орды почти за 150 лет, к середине XIV в., были ассимилированы огромной массой кыпчаков степей Евразии. Малочисленные монголы, потеряли этническое лицо и стали как кыпчаки [25, с. 155–156] говорить на языке кыпчаков – тюрков. Однако Русь и Запад продолжали именовать как кыпчаков, так и монголов «татарами».

Близка к концепции авторов учебных пособий по истории Украины позиция Р.Г. Скрынника, который называет воинов темника Мамаю то «*татарами*», то «*монголо-татарами*» [63, с.43–63]. Подобных примеров можно привести множество. В применении этно-

нима «татары» многие исследователи оказались во власти гипноза самого этнонима и потому, естественно, не смогли, да и не посчитали нужным проникнуть в сущность этнического процесса, протекавшего в рассматриваемый ими период на территории Золотой Орды, в том числе Крыма, Северного Причерноморья, Волги.

В связи с этим возникает необходимость вновь обратиться к вопросам возникновения, истории функционирования этнонима (вернее, аллоэтнонима) «татары», соотношения его к этносу «крымтатары», и, в частности к самоназванию (эндоэтнониму), «*кылымылы*» (крымцы).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОНИМА «ТАТАРЫ»

Прежде всего, ответим на вопрос: какова *этимология* (происхождение) термина «татары»? На этот счёт существуют различные мнения. Некоторые исследователи возникновения данного этнонима рассматривают по созвучию и внешнему сходству с другими словами. Так, О.Ж. Белозерская выводит слово «татары» от персидского «*тептер*» (дефтер). Что означает «*тетрадь*», т.е. «занесённые в список» – в смысле «*колониист*» [11]. Китайцы именуют монгольские племена «та-та», «да-да» или «татань». К слову, в средневековой Европе название народа «татары» воспринималось как «*тартары*», т.е. «жители ада» [14 с. 347].

Д.Е. Еремеев пишет, что этноним «татары» состоит из двух компонентов: «*тат*», который первоначально означал у тюрков «иранец», а затем «*татами*» они (тюрки) называли чужеземцев, и «-ар», от слова «*люди*» [26, с.134]. С этим трудно согласиться, факты говорят о другом. Уже в IV в. н.э. китайцы именовали монгольские племена «*датань*» [68, с.472-479]. В орхонских памятниках VIII в.н.э., при описании событий VI в.н.э., древние тюрки употребляли термин «*тат*» и этноним «*отуз татар*» («*тридцати племенные татары*»), а также «*татаба*» [44, с.36]. Как видно, основу этих этнонимов составляет слово «*тат*», следовательно, тюрки первоначально называли «татами» не иранцев, а монгольские племена.

Е.П. Лебедев происхождение этнонима «*татарь*» выводит от слова «та-

та» и манчжуро-тунгусского суффикса множественного числа – «р» [43, с.220–225]. Но, в действительности, название монгольского племени «*татарь*» в китайских источниках IX–X в.в. фиксируется в форме «*тата*» без всякого суффикса, т.е. с выпадением «р», в связи с отсутствием звука «р» в китайском языке [42, с.10; 47, с.90-91].

Известный филолог – тюрколог Н.А. Баскаков предложил несколько вариантов происхождения этнонима «татары». В одном из них ученый видит первую часть этнонима «*тат*» как тюркское слово, обозначающее «*иноплеменник*», «*праздношатающийся народ*», «*вольнонаёмные воины*». А вторую часть – «ар», как обозначающую множественное число (от «тар», «лар») [9, с.202-203].

К сожалению, все разделяющие это мнение о происхождении этнонима «татары», упускают факты историко-этнического фона его появления. Нами предлагается следующее решение очерченной научной проблемы на основании анализа лингвистических корней этнонима «татары» и учета исторического фона его возникновения и функционирования.

Этноним «*татары*» действительно состоит из двух слов: «*тат*» и «*ар*». Прототюркское слово «*тат*» [76, с.197; 10, с.69], как отмечалось выше, в

форме «*датань*» фиксируется в китайском письменном источнике IV в.н.э., как название монгольского племени «*жуань*» [68, с.472]. Можно предположить, что «*датань*» и есть китаизированное тюркское слово «*тат*». При этом мы исходили из следующего: когда китайцы затрудняются в освоении иностранного слова по смыслу, тогда данное слово воспринимается ими по звучанию. Подобное произошло и со словом «тат». В процессе его усвоения китайцы к последнему согласному «т» присоединили «ан» («*ань*») и слово приобрело форму «*татань*» [29, с.62-63; 16, с.203]. Прототюркское слово «*тат*» первоначально означало «*ржавчина*» [76, с.203]. Кстати, подобная форма и семантика слова сохраняется и у современных алтайцев, хакасов и уйгуров [73, с.756; 7, с.655; 7, с.114]. Слово «*тат*» первоначально применяется и в значении «*пробовать*», «*вкушать*» [23, с.541]. В обоих случаях оно передаёт смысл нарушения качественно нейтрального состояния предмета или явления (ржавчина разъедает металл, проба пищи изменяет вкус во рту), т.е., *объект нечистый*.

В последующем слово «*тат*» употреблялось и в социальном значении. Если термин «*тюрк*» означал «*избранный*», то все зависимые от тюрков мон-

гольские племена назывались «тат» [68, с.47–49], т.е. «*негосподствующий – платящий дань*». Эти этнонимы употреблялись в значении «мы» и «они» [52, с.24-25]: подобно этому арии (арийцы), имя которых означало «*благородные*», называли иноязычные племена Индии «*млечхас*» («*варвары*») или «*дасы*» («*враги*») [1, с.24-25], а эллины всех иноязычных называли «*варварами*». Социальное значение этнонима «*тат*» особенно чётко проявляется в тюркской пословице: «*Татсыз тюрк болмаз, башсыз борк болмаз*» («*Не бывает тюрка без татов (данников), как шапки без головы*»). Вполне закономерно предположить, что орхонские тюрки своих вассалов – пастухов коров из северо-западных монгольских племен – называли «*таты*». Уйгуры определяют их в конце VIII века уже как «*отуз татар*» [41, с.13]. В зависимости от обстоятельств термин «тат» употреблялся и в значении «*иноземец*». Например, «*таталашмак*», т.е. говорить между собой на чужом языке. «*Таттавгъач*» означает – «*всякий*» или «*иноземец*», «*татык*» – «*становиться иноземцем*» [23, с. 541-542]. В письменном источнике «*Кутадгу Билик*» (XI в.) слово «*тат*» имеет значение «*пришлый*», «*чужой*» [15].

Уместно привести и такой пример: степные крымтатары при общении с горцами говорили им: «*Анань тат, бабань тат, не керек санъа балабан ат, мин эшекке, джургъалат*» («*Мать и отец (твои) таты, зачем тебе большая лошадь, садись на осла и езжай трусцой*»). В эти слова вкладывалось значение – «*Вы земледельцы, а не скотоводы*», т.е. напоминалась политическая зависимость крымтатар – земледельцев в определенный период их истории.

Можно с определенной степенью уверенности считать, что в этнониме «*татары*» первый компонент «тат» означает «*чужой*», «*зависимый*» (от тюрков), а второй компонент – «ар» происходит от древнетюркского слова «эр», означавшего «*муж*» или «*мужчина*». Гласная «э» в слове «эр» под влиянием гласного «а» первого компонента – «*тат*» по закону гармонии гласных приобретает вид «ар» [36, с.66-67].

Таким образом, этноним «*татэр*» преобразуется в «*татар*», что у древних тюрков первоначально озна-

чало «*чужой*», «*зависимый*» народ. Этноним «*татары*» вначале появляется на исторической арене как название части монгольского племени, данное ему тюрками. В последующие века этим этнонимом соседи называют все монголоязычные племена. Но впоследствии, этноним употребляется для обозначения крымцев и казанцев, которые отличаются друг от друга.

ЭТНОНИМ «ТАТАРЫ» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОСТОЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Как отмечалось выше, орхонские тюрки Центральной Азии в VI в. часть подчиненных им монголов называли, перечисляя племена, к которым они относятся, «*учь*», «*докъуз*», «он» и «*отуз*» (три, девять, десять и тридцать) «*татары*». Китайцы именовали их до конца IV в «*шивэй*» (зависимые). Это была уже калька на значение этнонима «татары» [68, с.41–59].

После падения уйгурского государства (842 г.) слово «*татары*» в форме «*тата*» (звук «р» выпадает) появляется в китайских источниках [47, с.91–94]. В дальнейшем под влиянием китайцев народы Средней Азии, арабы, иранцы и др. этноним «татары» распространяют на все монгольские племена. В то же время арабские и персидские географы, соблюдая библейскую традиционную схему родословной народов, происхождение и родство племен определяли по их отношению к сыновьям Ноя, который после Всемирного потопа раздал земли. Одному из сыновей Ноя – Яфету достались земли Севернее Ирана, Ирака [5, с.41–62]. Опираясь на эту концепцию, мусульманский анонимный автор X века сообщает, что к потомству Яфета относятся: Армения (Армения), ал-Шибан (Испания), ал-русы, ал-Бурджан (дунайские болгары), ал-хазар (хазары), ал-турк (тюрки) [38, с.196].

Вслед за ним, Махмуд Кашгарский (XI в.) писал, что двадцать племен турков (тюрков – *примеч. автора*) произошли от Тюрка, сына Яфета (Яфеса), сына Нухи. Затем перечисляются племена рода тюрк: беченег (печенег), кыфчак (кыпчак), йемек, огуз, башкырт, басмылы, кай, йагма, татар, кыргыз, тангут, хытай, тавгач. В своём словаре «Диван и лугъат ит-тюрк» [37, с.12–14]

он подчёркивает: «*Татар – Тюрк халкларынын бир ыругы*» («*Татары – один из родов Тюрка*»). Не вызывает сомнений, что речь идёт о племени «татары», происходящем от библейского рода Яфета, его сына Тюрка.

Но, опираясь на библейскую традицию, средневековые учёные при определении происхождения и родства племён не учитывали их этническую характеристику.

Махмуд Кашгарский, после своего объяснения, происхождения племён группирует их по отношению степени знания тюркского языка. Первая группа имеет один язык – тюркский, распадаясь на наречия: уйгур, кыргыз, кыфчак (кыпчак), огуз, тухси (тохси), уграк (ыграк), йагма, чигиль, булгары, сувары, беченег (печенег). Вторая группа (народы Чин – внутренний Китай и Мачин – нижний Китай) говорит на своих языках, но вместе с тем хорошо знает и тюркский: это кай, йагма, татар, басмылы. Тибетцы, тангуты по своей этнической характеристике отличаются от тюркских племён и их языки относятся к китайско-тибетской семье языков.

Однако автор словаря подчёркивает, что народы Чин и Мачин, в том числе и татары, и тангуты, знали хорошо тюркский язык, но они все знали и свой родной язык. Махмуд Кашгарский объясняет уровень знания тюркского языка длительностью пребывания этих племён в среде тюрков. Он отмечает, что тибетцы и тангуты бывали в городах, и позже прибыли на эту тюркскую землю [37, с. 13–14]. Согласно историческим материалам, представители племени татар и уйгур могли появиться в регионе, где находился и работал Махмуд Кашгарский, после поражения уйгурского каганата от кыргызов в 840 г. Возможно поэтому, как отмечает Э.Н. Наджип, слова, которые принадлежат языку татар, в словаре встречаются редко [48, с. 33–35].

Следует отметить, что к моменту работы Махмуда Кашгарского над словарём, татары были двуязычными (знали свой монгольский, часть говорила по-тюркски) [59, с. 33-35]. Необходимо особо подчеркнуть, что по данным орхонских памятников (VIII в.) «*Сокровенного сказания*» монголов (1240 г.), сообщений китайских хронистов VII–XIV вв. и Рашид-ад-Дина (начало XIV в.), татары относятся к монго-

лоязычным племенам восточной Монголии [27, с. 91], которые там обитали до похода монголов на запад (1218 г.).

Сторонник библейской традиции, историк Ибн-ал-Асир отмечал, что татары – тюрки, царь их – Чингисхан [27, с. 641–643]. Из сведений Ибн-ал-Асира следует, что речь идёт всё-таки о монгольских племенах. Рашид-ад-Дин (в начале XIV в.) сообщает, что монгольские племена – татары, меркиты, джалаиры, керейты, найманы, тюрки произошли от Яфета, праотца тюрков [59, с. 101–187]. Таким образом, выявляя происхождение тюрков и татар, Махмуд Кашгарский, Ибн-ал-Асир и Рашид-ад-Дин сходятся во мнении, что племя татар также ведёт свою родословную от Тюрка, сына Яфета, который является сыном Нуха (Ноя). Поэтому, опирающийся на некоторые из противоречивых сведений этих авторов – сторонников библейской концепции происхождения племён, вывод ряда современных исследователей о принадлежности татар Центральной Азии к тюркским племенам является неаргументированным и несостоятельным. Во-первых, ими осуществляется абсолютизация одних сведений, приводимых в работах средневековых историков в ущерб другим, во-вторых, совершенно не учитываются при этом данные других письменных источников.

К ПРОБЛЕМЕ ЧИСЛЕННОСТИ ТАТАР В СОСТАВЕ ОРДЫ ЧИНГИСХАНА

В среде историков существует мнение, что племя «*татары*» составляло значительную часть Орды Чингисхана, поэтому они и способствовали распространению этнонима «*татары*» [25, с. 157–158; 22, с. 102]. Но в действительности этническая ситуация в Монголии была иная.

Во-первых, этноним татар переносится на все монгольские племена. Во-вторых, Чингисхан в 1206 г. подчинённые племена распределяет по военно-административным единицам: *туме* – (десять тысяч) тысячам, сотням и десяткам. И требует от населения Орды именовать себя «*монгол*». Но новый этноним, определённый Чингисханом для монгольских племён, не приживается. При общении с другими народами, население Орды именуют себя «*татарами*», предавая забвению род

Чингисхана и возвеличивая имя его бывших соперников – татар.

Вернёмся к вопросу о численности татар. По сообщению Рашид-ад-Дина, монгольские племена татар к моменту борьбы с Чингисханом состояли из семидесяти тысяч семей, [59, с. 101–102]. В результате 50-летней войны (1153–1204 гг.) их численность резко сокращается. Племя перестаёт существовать как этническая единица. О трагической судьбе татар сообщается в «**Сокровенном сказании**» монголов, почти все татарские мужчины, взятые в плен, были перебиты, а женщины и дети розданы по разным племенам (военно-административным единицам). Далее упоминается, что две татарки, сёстры Есуй и Есуган, были взяты в жёны самим ханом [35, с. 123–125]. Жена Джучи – Хасар – упрятала 500 татар, [61, с. 34]. О трагической судьбе татар говорят такие факты: Чингисхан, после формирования своего государства, разрешил жене собрать всех татар Орды. Она собрала более 2000 воинов [41, с. 33–34; 47, с. 394]. Впоследствии выяснилось, что какая-то часть татар служила у племянника Чингисхана – Эджидая [59, с. 55, 226, 267]. С учётом этих данных, численность воинов-татар в Орде Чингисхана могла быть не более 4000, т.е. около 3% от общей численности войска в 140 тысяч воинов [47, с. 377–408]. Следовательно, трудно согласиться с мнением о многочисленности татар в Золотой Орде. Возможно, поэтому и объясняется то, что этноним «*татары*» встречается редко среди родоплеменных подразделений тюркских племён и топонимии территории, где господствовали чингизиды, в том числе и в Крыму.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭТНОНИМА «ТАТАРЫ»

Как отмечалось ранее, в VI веке н. э. орхонские тюрки называли татарами подчинённые им монгольские племена [44, с. 30]. Китайцам они были известны в раннем периоде как «*шивей*» – «*покорённый*», в последующем – как «*дада*». В дальнейшем китайцы это название распространили на все монгольские и даже не монгольские племена, обитавшие на территории современной МНР, Маньчжурии и внутренней Монголии [47, с. 90–91].

Остановимся на этнической характеристике монгольских племён госу-

дарства Чингисхана, к которым относились собственно монголы, керейты, меркиты, ойраты, найманы, татары и другие [61, с. 24]. Язык их резко отличается от тюркского и относится к монгольской группе языков. В монгольском языке отсутствуют звуки «*к*», «*п*», «*ф*», в начале слова не употребляется звук «*р*» (БСЭ, т. 28).

Представление о физическом типе монголов в XIII в. можно получить из книги путешественника Плано Карпини (1246–1247 гг.). «**История монголов, именуемых нами татарами**»; «...*внешний вид лица отличается... от всех людей, а именно – между глазами и между щеками у них шире, чем у других людей, щёки же очень выражаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие и ресницы приподняты до бровей..., ростом почти все невысокие, борода у них у всех почти вырастает маленькая*» [34, с. 46].

В 1218 г. монголы двинулись на запад, включая в свой состав тюркские племена уйгуров, карлуков, восточных кыпчаков, более монголоизированных, чем кыпчаки на западе, и другие [940, с. 85–91]. Этнические изменения в Орде не способствовали закреплению за ней другого названия. Соседние народы продолжали именовать население Орды «татарами» [25, с. 156], хотя официальное название господствующего рода Чингисханов оставалось «*монгол*». Неопределённость в названии населения Орды отражается в письменных источниках; мусульманские историки средневековья их именуют «*татарами*» [4, с. 599], армяне – «*татар*» и «*мугал*» [18, с. 10]. В русской летописи

сообщается: «...а завутя татары, а инии глаголют таурмены, а друзи – печенежи» [32, с. 617–618, прим. 396].

С выходом в степи юго-восточной Европы, в том числе и Крыма, монголы вторгаются на территорию западных кыпчаков, которые по этнической и расовой характеристике резко от них отличаются.

ЭТНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПАДНЫХ КЫПЧАКОВ XIII В.

Язык кыпчаков относится к тюркской семье [9, с. 147]. Физический тип лица отличается от монгольского. Значительная часть кыпчаков характеризуется с европеоидным обликом с элементами монголоидности [74, с. 164–165; с. 212–219]. Жилища переносные (неразборные и разборные), конусообразные и сферические, вход с востока. Характерные признаки погребального обряда: насыпь из земли и камней, ориентировка погребённого головой на восток, рядом хоронили коня [56, с. 151–226].

Монголы в 1222–1239 гг. значительную часть кыпчаков переместили к низовьям Волги и распределили в улусы военно-административных формирований. Но, несмотря на эти действия победителей, кыпчаки в последующем составили всё же основную часть населения Орды. В этой среде монголы и ассимилировались [69, с. 884, т. 1, с. 26–28; т. 2, с. 55, 119–120, 279–303]. К концу XIV в. в Золотой Орде официальным языком государства уже был тюркско-кыпчакский.

Перечисленные факты позволяют лучше понять причины переноса устоявшегося этнонима Орды Чингисхана «*татары*» на кыпчакское (на Руси называли – половецкое) население Орды. Поэтому при изучении истории Юго-восточной Европы необходимо учитывать эти особенности этнических процессов. При изучении истории происхождения и функционирования этнонима «*татары*» в период Золотой Орды выясняется, что население государства Чингизидов на протяжении всего существования не имело определённого официального названия. Например, были известны следующие формулировки: «Берке, великий царь татарский». Иногда к такой формуле приписывали и географические уточнения. «Узбек, владетель северных стран», или добавлялось назва-

ние столицы: «Тохта, владетель Сарая и земель кыпчакских». В арабских и персидских источниках Золотую Орду именовали Улус Берке, Улус Узбека [69, т. 2, с. 65, 119–120]. Европейские путешественники П. Карпини и Г. Рубрук писали, что Бату владеет страной команов или страной Команией, иногда писали «*держжава татар*», «*земля татар*» [34].

В русских летописях в начальном периоде Золотой Орды этнический термин «*татары*» употребляют как *политоним*, т.е. для названия государства: «в *татары*» «из *татар*» [25, с. 152]. В княжествах знали, что аристократия называла себя монголами [34, с. 35], поэтому с улучшением мирных отношений в конце XIII в. в русских летописях вместо этнонима «*татары*», употребляется термин «*Орда*». Он закрепляется в летописях в XIV в., а во второй половине XIV в. появляется словосочетание «*Золотая Орда*» [25, с. 151–157; 4, с. 76, 96–102]. Иногда в русских летописях для названия населения Орды по инерции используется этноним «*татары*». Например, рязанин Евпатор (Евпатий) Коловрат в битве с воинами Батыя использовал татарские мечи. Так, описывая поход войск из Орды в Северную Русь в 1289 г., летописец пишет: «Умножи же тогда татар и горожане створише вече и изгнаша их, а имение их разграбиша» [55, с. 221–222].

Подобная картина наблюдается и на Волге. Здесь основу населения составили потомки финно-угров и тюрко-булгар, которые позднее стали именоваться казанскими татарами. Так возникает ещё один мифический *аллоэтноним*, но уже тюркского населения, проживающего на Средней Волге. Тюркизированная монгольская («*татарская*») верхушка возникшего государства – Казанского ханства – потомки золотоордынцев, пришедших на Волгу во главе с Улу-Мухаммедом, ассимилировалась в местной среде, и только наиболее знатные их представители продолжали гордо именовать себя чингизиды. Благодаря ассимиляции в антропологическом отношении, здесь абсолютно преобладают черты европеоидной расы [50, с. 133], поэтому неверно отождествлять казанских татар с золотоордынцами. Аналогичен вывод исследователя проблемы Абара Карамуллина, который пишет: «*Этническая характеристика современных татар*

Среднего Поволжья свидетельствует о том, что они не являются потомками монголов и золотоордынцев. Закрепление за этим народом этнонима «татары» является исторической ошибкой» [33, с. 11–12].

О судьбе монгольских племён Золотой Орды XIII–XIV вв. арабский историк Эль-Омари сообщает: «*В древности это государство (имеется в виду Золотая Орда – примеч. автора) было страной кыпчаков, но когда им завладели татары (монгольская Орда – примеч. автора), то кыпчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, будто от одного с ними рода, оттого, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и остановились жить на земле их (кыпчаков)*» [56, с. 174–186].

Русские в XIV–XVIII вв. не делают попытку разобраться и понять разницу между монгольским и тюркским языками, поэтому они этноним «*татары*» механически переносят на потомков тюрков-кыпчаков, язык тюрков-кыпчаков именуют «*татарским*» [12, с. 102–103].

Остановимся на этнониме «*монголо-татары*» (*татаро-монголы*). В трудах В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина объединённый этноним «*монголо-татары*» не встречается. В дореволюционной русской историографии этнонимы «*монголы*» и «*татары*» использовали и употребляли как равноценные названия одного и того же народа «*монголов*» [25, с. 127]. Н.М. Карамзин считал, что название «*татары*» за ними закрепляется в связи с тем, что большая часть Орды состояла из монгольского племени татар. Поэтому он, желая исключить смешение названия населения, Орды Чингизидов – «*татары*» с тюркоязычными народами России, писал: «*между нынешними монголами и нашими татарами есть великая разница в языке и в самой наружности: первые сходятся с калмыками, вторые – с турками*». Опасение историка было вызвано и тем, что уже в 30-е годы XIX в. в науке этноним «*татары*» стали распространять на тюркские народы. Н.М. Карамзин, предвидя такую подмену, писал: «Ни один из нынешних народов татарских не именует себя та-

тарами, но каждый называется особенным именем земли своей...» [32, с. 617–618].

Профессор Санкт-Петербургского университета П. Наумов в 1823 г., опираясь на ошибочное предположение Н.М. Карамзина о численном преобладании татар в Золотой Орде, впервые употребил гибридный термин «монголо-татары». Он разработал концепцию, суть которой состояла в том, что перед вторжением монголов в русские княжества в степях проживали тюрко-кыпчакские племена [51, с. 10–11], завоевав которые усилила свою мощь. Наумов проигнорировал такое важное обстоятельство, что тюркские народы, под именем «татары», не проживали в юго-восточной степи до появления Орды. Чингисхана и в золотоордынское время. Как отмечалось нами ранее, татар в Орде было не многим более 3% и они были монголыязычны, а восточно-европейская степь к этому времени принадлежала кыпчакам-тюркам, которые ассимилировали Орду Чингисхана [21].

Используя введенный в научный оборот обобщенный этнолингвистический термин «*татарский язык*» (имеется в виду тюркский – РК), П. Наумов предложил для названия тюркоязычных татар Орды использовать термин «монголо-татары». Он считал, что второй компонент сложного термина учтет большую часть тюркских племён. На период научной деятельности П. Наумова (30-е гг. XIX в.) сложный термин как бы учитывал уровень развития лингвистики, но с другой стороны он породил самые причудливые домыслы. Термин можно было понимать как «монголы», так и «татары», имея в виду два разных этноса, или же «монголы» в значении «татары» (и наоборот), то есть как равноценные названия одного и того же народа. Кроме того, можно было понять в том смысле, что монголы и татары являются предками современных тюркских народов: Поволжья, Сибири и Крыма.

Свое объяснение сложного термина «монголо-татар» пытался дать русский историк С.М. Соловьёв (1820–1879): «*Русский не смешает завоевателей татар и турецких (тюркских – РК) татар... Нельзя выкинуть из русской истории слово «татары», а самое главное – настоящие русские люди не знают монголов, а знают только татар*» [64, с. 323].

Такая неопределённость в употреблении этнонимов «монголо-татары» и «*татары*» не устраивала лингвистов многих тюркских народов. Неудовлетворённость усилилась под воздействием разросшегося национального самосознания тюркоязычных народов царской России, в последующем СССР. Многие народы, в том числе и тюркские, стали отказываться от названий, данных им в царский период России, определяясь с самоназванием. Так, название «*закавказские и северокавказские татары*» было заменено на самоназвания азербайджанцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы и т.д., языки которых относятся к семье тюркских языков [12, с. 133–140; т. 5, с. 560–561]. Исходя из вышеизложенного, нужно отметить, что термин «монголо-татары» (*татаро-монголы*) сам себя уже изжил и является историческим рудиментом. Данный сложный термин в исторической литературе продолжает применяться либо по традиции, либо при выполнении определённого идеологического заказа. Но добросовестного и неравнодушного исследователя и читателя новые сведения по истории происхождения терминов вынуждают задуматься об этнической нагрузке и времени функционирования термина «монголо-татар».

ЭТНОНИМ «ТАТАРЫ» И ЭТНОС «КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ»

Выше уже говорилось о происхождении термина «татары» и о том, каким образом он стал аллоэтническим именем племён, объединённых позднее Чингисханом. Напомним, что после завоевания Средней Азии Великий хан в 1222 г. послал два тумена – во главе с Джабэ и Субудаем – в разведывательный поход на запад. Обогнув Каспийское море и пройдя Кавказ, монголы после битвы под Дербентом устремились в погоню за отступавшими кыпчаками.

Главные силы противников пустились в степь по участку «**Великого шёлкового пути**», ведущего от Волги к Дону. Основная часть кыпчаков ушла на запад, а некоторая часть, по более южной ветви этого пути, ринулась к керченскому проливу, спеша укрыться в Крыму и присоединиться к кыпчакам полуострова. Преследуя их, один из монгольских отрядов форсировал Керченский пролив, вошёл в Крым и овладел

«*городом кыпчаков*» Судак (Ибн-ал-Асир), который считался «*наибольшим из городов кыпчакских*» [69, т. 2, с. 502]. 27 января 1223 г. монголы заняли город.

«*В тот день пришли первые татары*» (так называли монголов арабы, иранцы, византийцы и др. – РК), – говорится в заметке на полях Синаксара (поминального календаря). Этническую принадлежность этих «татар» уточняет арабский историк Ибн-ал-Асир: «*татары... их царь Чингисхан в 1223 году овладели городом Судак*» [23, с. 142–143]. Первое появление монголов в Крыму носило характер кратковременного налёта. Вторично монголы появились в Крыму в 1238 г. [78, с. 83–86]. Многие кыпчаки евразийских степей, после 15-летней неудачной борьбы (1222–1237 гг.) с монголами, бежали на полуостров. К этому времени в Крыму шла активная тюркизация нетюрских предков крымтатар (готалан и др.), начатая с пятого века нашей эры гунскими племенами, тюрко-булгарами, печенегами. С XI века этот процесс был усилен с приходом на полуостров кыпчакских племён, которые в течение XI–VIII вв. определили особенности формирования этнической истории крымтатарского народа.

Массовое вхождение кыпчаков в степи и предгорья Крыма, в период установления на большей части полуострова господства Золотой Орды, способствовало более широкому распространению кыпчакского (тюркского) языка среди местного населения и внесло свой вклад в формирование крымтатарского этноса [62, с. 234–259]. В конце XIII в. западноевропейские купцы сос-

тавляют в крымском городе Солхате (ныне Старый Крым) словарь-разговорник для общения с тюркоязычным населением полуострова и Северного Причерноморья – «**Кодекс Куманикус**», где отражаются диалектные особенности языка крымцев различных местностей Крыма [71, с. 12–26].

Создание «Кодекса Куманикуса» становится результатом очень важного языкового процесса. По сути, признание факта, что в Крыму и за его пределами, в регионе, где проходил «Великий шёлковый путь» и другие торговые пути, именно тюркский (кыпчакский) язык был основным языком общения, а не греческий, на котором совершалось богослужение в православных храмах, не аланский (иранский), забытый, по-видимому, потомками тавроскифов, готалан и др., и даже не итальянский, и не арабский – языки мировой торговли того времени. С другой стороны, «Кодекс Куманикус» стал своего рода катализатором, ускорителем процесса тюркизации не-тюркского местного населения Крыма.

В золотоордынское время (вторая половина XIII – первая пол. XV вв.) на полуострове существовали три основных политических образования. Наиболее крупным из них был Крымский улус Золотой Орды, первоначально занимавший всю степную часть полуострова, а с конца XIII века расширивший свои территории на предгорья и юго-западную часть Крыма, где в его состав вошло княжество Кырк-Ер (в среднем течении рек Бодрака, Альмы и Качи). В степях основную массу составляли

предки современных степных крымцев (крымтатар) – западные (первая половина XIII в.) и восточные (вторая половина XIII в.) кыпчаки [69, с. 279–289].

Второе политическое образование, охватывающее жителей горно-прибрежных зон Крыма – потомков аланов и готов, позднее получивших общее имя «готаланы» [3, с. 157] и ставших не-тюркскими предками крымцев (крымтатар), степняки именовали «татами» [75], основная масса которых проживала в известном феодальном княжестве Мангут (Мангут), занимавшем к середине XI в. значительную часть юго-западной Таврики (от владений Херсонеса на западе до урочища Сотера на востоке). Княжество населяли потомки готаланов и тюрко-булгар дохазарского и хазарского времени. Часть населения была христианизирована [20, с. 33–34], а основная масса подпадает под влияние Крымского улуса. Третьим значительным политическим образованием на территории Крыма была Генуэзская колония, занимавшая территорию на южном побережье от Алушты до Феодосии (Каффа) включительно. Основное население здесь составляли потомки готаланов. Часть населения была христианизирована.

Жители двух последних политических образований – княжеств Мангут (Мангут) и Генуэзской колонии – уже во время Крымского улуса (XIII–XV вв.) в значительной своей массе были тюркизированы, втягиваются в торгово-экономические связи с жителями степей и предгорья [65, с. 166–173; 2, с.

177–189], и постепенно принимают ислам. В результате происшедшего в описываемый период сложного этнического процесса, характеризуемого консолидацией, ассимиляцией, сепарацией отдельных конфессиональных групп, значительная часть населения этих двух образований также, по мере исламизации, включается в формирование складывающегося этнического ядра крымцев. Несмотря на многоэтничность Мангута и Генуэзской колонии и присутствие в их среде значительного тюркского элемента, за этим населением в письменных источниках продолжает сохраняться название «готоаланы».

Фактически, уже внутри всех трех политических формирований, тюрко-мусульманское население осознает себя как отдельный этнос и за пределами полуострова именуется «кырымлы» («крымцы»). После образования Крымского ханства (1443 г.), разгрома Турцией в 1475 г. Генуэзской колонии и княжества Мангут, и создания на их основе султанского санджака (провинции) на полуострове, население горно-прибрежной зоны еще теснее включается в социально-политические, экономические и этнокультурные связи с населением Крымского ханства, и, таким образом, формируется общая зона тюрко-мусульманского воздействия на все население полуострова. В начале XVI в. сформировалось этническое ядро с самоназванием «кырымлы» – крымцы [5, т. 3, с. 468; 48, с. 247; 70, с. 109].

Литература.

1. Авдеев Б.И. История Древнего Востока. – М.: Наука, 1969.
2. Бадян В.В., Чипкрис А.М. Торговля Каффы в XIII–V вв. // Феодальная Таврика. – Киев: Наукова думка, 1974.
3. Барбаро и Контарини о России. – Л.: Наука, 1971.
4. Бартольд В.В. Сочинения. Т.5. – 1968.
5. Бартольд В.В. Сочинения. – М.: Наука, 1973.
6. Баскаков М.А. Тюркские языки. Ц. М.: Наука, 1960.
7. Баскаков М.А. Русско-алтайский словарь. – М., 1964.
8. Баскаков М.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1969.
9. Баскаков М.А. Модели тюркских этнонимов и их тюркологическая классификация // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980.
10. Баскаков М.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. – М.: Наука, 1988.
11. Белозерская О.Ж. Знание – Сила. № 7. – 1970.
12. Благова Г.Ф. Вариантные заимствования тюрк-тюрк в русском языке. // Тюркологический сборник – 1972. – М.: Наука, 1977.
13. Боплан о Крыме, украинских казаках в XVII в. // Сев. Архив. № 11. – 1825.
14. Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. – СПб., 1902.
15. Валитов. Этноним в тюркоязычном памятнике XI в. Кутадага Билик. – М.: Наука, 1964.
16. Ван Ляо И. Основы китайской грамматики. – М., 1954.
17. Вильяминов-Зернов В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.5. – 1863.
18. Галстян А.Г. Армянские источники о монголах (извлечение из рукописей XIII–XIV вв.). – М.: Восточная литература, 1962.
19. Герасимов Т. М., Рудь-Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М.: Наука, 1987.
20. Герцен. А.Г. К вопросу об этнической истории средневекового Мангупа. // Тезисы документов научной конференции. Вып.1. – 1991.
21. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.–, Изд. АН СССР, 1950.
22. Гумилев Л.Н. Поиски вымышлен-

ного царства. – М.: Наука, 1970.

23. Древнерусский словарь. – М.: Наука, 1969.
24. Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. – Симферополь, 1996.
25. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XV вв. – М.: Наука, 1985.
26. Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии. // Этнонимы. – М.: Наука, 1970.
27. Записки Одесского Общества Истории древности. Т.5.
28. Ибн-ал-Асир «Ал-Камил фи-т-тарих». Полный свод истории. – Баку, 1940.
29. Иванов В.В. Терминология и заимствование в современном китайском языке. – М.: Наука, 1973.
30. Именохоев Н.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монгол Забайкалья.
31. Губарев К.И. История Украины: конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: ООО ПКФ «БАО» 2006. – 384с.
32. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2–3. – М.: Наука, 1991.
33. Каримуллин, А.Г. Татары этнос и этноним. – Казань: Книжное изд., 1988.
34. Карпини П., Рубрук Г. Путешествие в Восточные Страны. – СПб., 1911.
35. Кононов М.Н. Грамматика языков тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). – Л.: Наука, 1980.
36. Кононов А.Н. Грамматика языков тюркских рунических памятников (VII–IX). – Л., Наука, 1980.
37. Кононов В.Н. Махмуд Кашгарский и его «Диван лугат Ит-тюрк». // Советская тюркология. – №1. – 1982.
38. Крюков В.Г. Сообщения анонимного автора. Автор аз-заман ал-аджаип о народах Европы. // Древнейшие государства на территории СССР. // (Материалы и исследования) 1981. – М.: Наука, 1981.
39. Куртиев Р.И., Когоношвили К. К. Этнический термин «татары» и этнос «крымские татары». // Сквозь века. Вып. 1. – 1995.
39. Куртиев Р.И. Крымские татары: этническая история и традиционная культура. – Симферополь: Оджек 1998. – с. 10-15.
40. Кутлуков М. Монгольское государство в восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М.: 1977.
41. Кычанов С. А. Жизнь Темучина, думавшего покорить мир. – М.: Наука, 1973.

42. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Восточная литература, 1961.
43. Лебедев Е. П. К вопросу о родо-вом составе монголов и расселения монгольских родов в начале XII в. // Филология и история монгольских народов. – М.: Наука, 1958.
44. Малов С. К. Памятники древнетюркской письменности. – М.- Л.: Наука, 1951. Он же. Язык желтых уйгур. – Алма-Ата, 1957.
45. Мартин Броневский. Описание Крыма. // Зап. Одесского общества истории и древности. Т.6-1867.
46. Михалон Литвин О нравах татар, литовцев и москвитян. – М.: МГУ., 1994.
47. Мункуев Н. Д. Мэн-Да-Бэй-Лу. (полное описание монголо-татар). – М.: Наука, 1975. Он же. Заметки о древних монголах. // «Татаро-монголы» в Азии и Европе. – М.: Наука., 1977.
48. Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. – М.: Наука, 1989 г.
49. Надинский П. Н. Очерки и истории Крыма. Т. 1. – Симферополь: Крымиздат, 1951.
50. Народы мира (историко-этнографический справочник). – М.: Изд. СЭ, 1988.
51. Наумов П. Об отношении российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480. – СПб., 1823.
52. Никонов В. А. Этнонимия. – М.: Наука, 1970.
53. Новосельский А. П. Борьба московского государства с татарами в XVII в. – М.: изд. АН СССР, 1948.
54. Описание перекопских и ногайских татар Жана де Люка, монаха Доминиканского Ордена. // Зап. Одесского общества истории и древности. Т. 2. – 1879.
55. Пашутов В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость в XIII в. – М.: Госполитиздат, 1896.
56. Плетнева С. А. Печенеги, тюрки и половцы в южно-русских степях. // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: изд. АН СССР, 1968.
57. Плетнёва С. А. Половцы – М.: Наука, 1990.; она же. Исчезнувшие народы. – М.: Наука, 1988.
58. Потехин В.Е. Наш Крым. – Симферополь, 1991.
59. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. – М.: Наука, 1952.
60. Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и задачах дальнейших исследований. // Крымская правда,

№ 105, от 28.05.1952 г.

61. Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингиз-хан. // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М.: Наука, 1977.
62. Севортян Э.Б. Крымскотатарский язык. // Языки народов СССР – Т.2. – Тюркские языки. – 1966.
63. Скрынник Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения. // Куликовская битва в истории культуры нашей Родины. – М.: Изд. МГУ, 1983.
64. Соловьев С.М. Сочинения. Т. 3-4. – Мысль. 1988.
65. Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в XIII–XV вв. // Феодальная Таврика. – Киев: Наукова Думка, 1974.
66. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова К.К. Введение в топонимию Крыма. – Симферополь, 1996.
67. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герей и его вассалы. // Ученые записки Московского Государственного Университета. – Вып.61. – История. – Т.2. – 1940.
68. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, 1984.
69. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1,2 – СПб., 1884.
70. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVII вв. – Казань, 1979.
71. Хабишев М.А. Именное словообразование и форма образования куманских языков. – М.: Наука, 1989.
72. Коллектив авторов История: Учебное пособие для поступающих в вузы Украины: часть 1. История Украины. Харьков: НКУПЦ «Интеллект это» ХГУ, 2004. – с. 22–25.
73. Чанков Д.И. Русско-хакасский словарь. – М., 1961.
74. Шевченко А.В. Характеристика средневекового населения Волги. // Исследования палеоантропологии и краниологии СССР. – Л.: Наука, 1980.
75. Шильбергер Иоан. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. – Баку, 1984.
76. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1978.
77. Яблонский Л.Т. Монголы в городах Золотой Орды. // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. – Новосибирск: Наука, 1986.
78. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. – М.- Л.: Наука, 1964.

Часть третья ОСОБЕННОСТИ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ЯДРА КРЫМТАТАРСКОГО НАРОДА (конец IV – первая половина XVI вв.)

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРЫМТАТАР (XIX–XX вв.).

Крымтатары – тюркоязычное, коренное население Крыма. Самоназвание – **кырымлы** (крымцы). При общении с соседями используется экзоним «*крымские татары*». Сами крымские татары в общении между собой используют термин «*кырымтатар*». До 1941 г. численность крымтатар составляла более 250 тыс. человек, из них две трети проживали в горно-лесной зоне и одна треть в степной [1]. В 1944 г. народ был полностью депортирован в северные области России, Среднюю Азию, Казахстан. В настоящее время общая численность народа (по предварительной оценке) – 450 тыс. человек. После депортации в Крым вернулись более 270 тыс. человек, остальные проживают в местах высылки: в Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, России [2].

Полуостров Крым расположен в юго-восточной Европе. Исторически сложилось так, что на полуострове пересекались важнейшие торгово-культурные пути. Представители многих цивилизаций приняли участие в этническом процессе, они и определили особенности расовой принадлежности, языка, религии и традиционной культуры, хозяйственного типа субэтнических групп крымтатарского народа. Основу антропологического типа составляют представители европеоидной расы, у некоторых групп отмечаются небольшие монголоидные примеси [3]. В антропологическом типе горцев и югобережцев отсутствуют монголоидные примеси, у степных присутствуют около 12%, предгорных – 5%. Язык относится к огузо-кыпчакской подгруппе кыпчакских языков [4].

Этническое ядро народа формируется в IV–XVI вв. в результате синтеза нетюркских племен (тавро-скифов, сармат, готалан и др.) с тюркскими племенами (тюркобулгар, печенегов, кыпчаков и др.) [5].

ОСОБЕННОСТИ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ЯДРА КРЫМТАТАРСКОГО НАРОДА (конец IV – XVI вв.)

Природное, географическое положение и особенности этнической истории Крыма оказали существенное влияние на формирование этнического ядра крымтатар.

Природные условия. Полуостров через Перекоп связан с евразийскими степями, с юго-запада омывается Черным морем, с востока – Азовским. Ландшафтно-климатические особенности позволяют заниматься земледелием, рыболовством, торговлей, кочевым и отгонным скотоводством. В связи с тем, что кочевые племена оказали существенное влияние на этнический процесс, рассмотрим условия функционирования кочевого скотоводства.

Эколого-экономическая оценка пастбищ полуострова. Образ жизни кочевника жестко связан с «кормящим» ландшафтом. Площадь полуострова составляет 26 тыс. кв. км. Из них: степная часть 19165 кв. км., горная 5812 кв. км., и южный берег 873 кв. км. Как свидетельствуют средневековые письменные источники, южный берег и степи использовались как зимники [6], где средняя температура в январе составляет в среднем +1–2°C. Со снежных дней (в среднем) – 20–30, высота снега – 5–10 см. Зачастую весной и летом, и реже осенью, наблюдаются засухи. В зоне южного берега средняя температура января-февраля составляет до +6°C,

осадков выпадает 500–600 мм, из которых большая часть приходится на зимнее время. [7]

Поэтому предгорья и степи (90% от общей площади) кочевники-скотоводы с древнейших времен использовали как зимники, общая площадь которых составляла 19 тыс. кв. км. На этой территории зима наступает в среднем на 10 дней позже, а весна – раньше. Эти особенности обеспечивают сохранность маточного поголовья скота и молодняка. Летние пастбища – *яйла* (плато-горья, составляют 2421 кв. км.). Емкость пастбищ – 100 тыс. овец. Степнякам требуется летников в два раза больше, чем зимников. Хозяйство кочевника может нормально функционировать при наличии определенной площади летних пастбищ только за пределами полуострова. Пастбища делятся на зимние, весенне-осенние, летние. Численность кочевников в районе кочевания определяется по плотности единицы площади зимника (1 кв. км).

Плотность расселения на территории зимника определяется с учетом обеспечения эколого-экономических и жизненных условий кочевника, возможностью употребления в день минимум 2000 ккал., для чего он должен был иметь стадо овец не менее 36 голов. Это количество способно обеспечить простое воспроизводство (40%) основного стада. Полученный приплод полностью используется для питания одного человека. Это, возможно, если в зимнее время одна овца употребляет не менее 1,5 кормовой единицы, т.е. 3 кг сухой травы в сутки. Это при условии, что в зимнике валовой урожай травы составит 10 ц/га. При коэффициенте усвоения 0,6 га хозяйственный корм составит 6 ц. С учетом перечисленных условий, плотность кочевников на одном кв. км зимника определяется следующей формулой:

$$ПЭ = \frac{ХУ \times КУ \times 10000 (кг/га)}{Пн \times Пк \times Кс (кг/шт)} \quad (1)$$

где ПЭ – плотность экологическая; ХУ – хозяйственный урожай на 1 га; КУ – коэффициент усвоения трав зимой; Пн – продолжительность пребывания на зимнике; Пк – норма корма на день для одной овцы; Кс – 36 овец основного стада одного кочевника. Например:

$$ПЭ = \frac{10000 \times 0,6 \times 10000 (кг/га)}{1500 \text{ дней} \times 36 \times 3600 \text{ шт}} = \frac{60000}{1572} = 3,7 \text{ чел./кв. км}$$

Численность кочевников (ЧК) на зимнике определяется:

$$ЧК = Пастбища (кв. км) \times ПЭ, \quad (2)$$

отсюда численность кочевников: 19 тыс. кв. км. $\times$ 3,7 чел./кв. км = 70,3 тыс. чел.

Численность кочевников на 1 кв. км жестко ограничена и зависит от урожайности трав, соответствующего количества скота и фактически является постоянной величиной. Полукочевников на кв. км может проживать в 2 раза больше. Тогда как земледелец при увеличении численности семьи, может увеличить площадь обрабатываемой земли за счет прилегающей неосвоенной площади. При уменьшении урожайности на (зимнике) кочевник-скотовод чаще всего был вынужден уходить за пределы полуострова или же изменить хозяйственный образ жизни [8].

Вся античная и средневековая история Крыма свидетельствует о влиянии ландшафтно-географической особенности местности на судьбу вошедших на полуостров племен кочевников-скотоводов, как нетюркских (скифо-сарматов, готалан и т. д.), так и тюркских (тюрко-булгар, печенегов, кыпчаков). Если кочевник входил в горную часть полуострова, то при определенных условиях становился земледельцем. Численность же тех тюрков кочевников, которые остались в крымской степи, могла возрасти только в пределах емкости зимних пастбищ, а эта величина была постоянной.

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМУ ПЕРЕД ВХОЖДЕНИЕМ ТЮРКОВ ГУННОВ (рубеж IV–V вв.)

До вхождения тюрков на полуостров произошли серьезные этнополитические перемены. Во второй половине III в.н.э. готы и аланы подчинили Боспорское царство и разгромили Позднескифское государство, население которого переместилось в горный Крым. Здесь начала формироваться полиэтническая скифо-сарматская и готоланская общность. Новая складывающаяся общность в значительной степени была ираноязычной, в культурном отношении она вобрала многие готские и

Крым во время вхождения гуннов (конец IV – начало V в.)

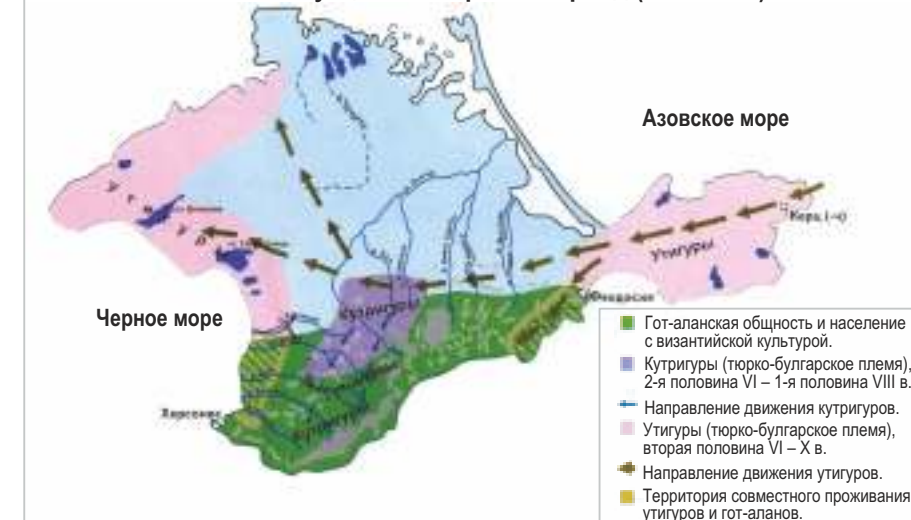
понтийские (эллинские) компоненты. В начале раннего средневековья началась ассимиляция античных греков. Основу антропологического типа этой общности составляли длиннолицые и, меньшей частью, широколицые европейцы. Германское племя готов, бораны (вораны), расселились рядом с аланами в междуречье р. Бельбек и р. Чоргун (Черный) [14; 15], на южном берегу и в Восточном Крыму.

В исторической памяти крымтатар до сих пор сохраняются фрагменты этнической истории готоланских времен. В Ускуте (с. Приморское) одна часть жителей другую называли «готфридами», что на немецком языке означает – «свободные готы». У крымтатар с. Ускуп встречается фамилия Гуту. Готфридами также жители села Буюк-Озенбаш (Счастливое) и Кучук-Озенбаш называли своих соседей из сел Татар-Осман, Гавр, Богатыр, Махульдур, Фоти-Сала и т.д.

С конца IV – начала V в. началась тюркизация местного населения полуострова, которая связана с появлением в Крыму гуннских племен. Гунны дали толчок к очень медленному и растущемуся на тысячелетие формированию этнического ядра крымтатарского народа.

В 70-х гг. IV в. началось массовое движение на запад тюрко-гуннских племен (утигуров, кутригуров, булгар, акациров, сарагуров, сабаров, авар, хазар и др.). В Приазовье гунны подчинили себе часть аланов и готов. На рубеже IV–V в. гунно-аланы, преодолев Керченский пролив, вошли в Крым. Под их ударами пали античные города, часть населения которых ушла в восточное побережье Крыма. Гунны, окончательно разрушили Позднескифское государство, вытеснили скифов, сармат и готалан предгорья во внутренние районы Крымских гор. После смерти Атилы в 453 г. многие гуннские племена

Этническая ситуация в хазарский период (VII – X вв.)

на переселяются в Северное Причерноморье и Крым. Вскоре в районе Херсонеса в первой половине V в. появляется гуннское племя – акациры. В 50-е годы V в. на Керченском полуострове вождь тюрко-утигурского племени Горд (Курти) – создает Гуннское княжество и принимает христианство.

Представитель рода Кутригуров – Кубрат в 632 г., опираясь на Булгарские племена, в районе Керченского полуострова и Приазовья создает государственное образование – Великую Булгарию. Со смертью Кубрата в 70-годы VII в. н.э. Булгария распадается. Во второй половине VIII в. хазары, завоевав территорию булгарских племен, включили в Хазарский каганат. Гунно-булгарские племена Крыма, включенные в состав каганата, в состав салтовцев* не входили, но приняли активное участие в тюркизации нетюркских предков крымтатар.

Специфика этнической истории и ландшафтно-географических условий влияет на характер этнических взаимоотношений местного населения и тюрков мигрантов. Орывочная информация письменных и археологических источников не позволяет реконструировать процесс формирования этнического ядра крымтатарского народа и этническое взаимоотношение автохтонов (местных) и мигрантов (пришлых). Проблема освещается антропологическими материалами. Современный уровень развития антропологии позволяет определить и осветить нерешенные аспекты этнического процесса формирования крымтатарского народа.

Антропологи Г.Ф. Дебеч, М.Г. Левин, Т.А.Трофимова обратили внимание историков, что язык и культура распространяются без переселения людей, а люди не приходят без языка и культуры [9]. Этнограф Ю. В. Бромлей подчерки-

* Салтово-Маяцкая культура (СМК) археологическая культура, памятники, которой составили: земледельцы аланы и полукочевники – тюрки-булгары, заселявшие в начале VIII–IX вв. Подонье, Приазовье. Со второй половины VII вв. территорию СМК хазары включили в каганат. В составе Хазарского каганата (вторая половина VII в.), СМК распространяется в Крыму. На основе мигрантов-салтовцев первой волны Кутригуры (вторая половина VII – первая половина VIII вв.) и второй волны мигрантов салтавцев-утигуров (вторая половина VIII–X вв.) формируется крымский вариант СМК. (Советская историческая энциклопедия – М.: изд. Сов. энц. 1969. – с. 491. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья – Киев: Наукова Думка, 1990. – с. 167).

вает необходимость учета стабильности антропологических признаков и их относительной независимости от воздействия социально-исторической обстановки [10]. Антрополог А. П. Алексеев в обобщенной монографии «Историческая антропология и этногенез» разработал метод исследования этногенеза и определил разрешающие возможности исторических источников [11].

Вышеперечисленные определения позволили антропологам М.М. Герасимовой и А.Т. Яблонскому сформировать закон модуса миграции. Закон позволяет определить величины соотношения численности мигрантов и автохтонного населения. Известны три наиболее вероятных проявления модуса, которые зависят от соотношения численности (больше, меньше и соизмеримы) мигрантов и автохтонного населения.

Первый модус – численность мигрантов составляет большинство – полностью ассимилируют местное население, приносят свою культуру (в т.ч. язык) и антропологический тип, на новом месте создают этнос, мало отличающийся от их собственного.

Второй модус – мигранты малочисленны – ассимилируются местным (автохтонным) населением и передают ему часть лексики языка и определенное влияние оказывают на культуру.

Третий модус – численность местного населения и мигрантов соизмеримы – происходит синтез этнического субстрата (автохтона) и суперстрата (мигранты), в ходе этнического процесса образуется народ (этнос) смешанного происхождения [12]. Следует отметить, что синтез, при благоприятных

природных, социально-экономических и политических условиях, может произойти без прямого брака, на основе «культурной ассимиляции» (в т.ч. языка). Например: карачаевцы и балкарцы без изменения антропологического типа восприняли тюркский кыпчакский язык, осетины – иранский, но сохраняют антропологический тип местный – кавказионный [11, с. 199, 252, 274.].

К этой группе можно отнести и крымтатар (горцев и южнобережцев). Они без изменения антропологического типа восприняли огузо-кыпчакский язык [14]. Об этом свидетельствует следующий факт. Антрополог В.П. Алексеев считает, что черепа поздних мусульманских (в 1980 г. еще запрещалось писать «крымскотатарских» – РК) погребений Крыма (XVIII–XIX вв.) относятся к вариантам европеоидной расы [15], генетически связаны с населением подобного типа лица со средневековым, прежде всего, населением Юго-Западного Крыма периода раннего средневековья. [13, с. 169–181.]

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА (конец IV – X вв.).

В эпоху Великого переселения народов на полуострове, под влиянием политико-экономических и экологических факторов, активизируется этнический процесс, и определяются его особенности. В Крым через Евразийские Северо-Причерноморские степи и Приазовье устремляются разноязычные племена: готы, аланы, ранние тюрки (гунны, тюркобулгары, хазары и печенеги). Каждый из них в определен-

ной степени оказал влияние на формирование в X в. ранне-средневекового горно-крымского этноса [17]. Опираясь на модус миграции, можно определить соотношение численности мигрантов тюрков и автохтонного населения полуострова.

По свидетельству письменных источников, антропологических и демографических данных, ранние тюрки в период усиления засухи (конец V в.) периодически появляются на полуострове. Крымские степи использовали как зимники, а летники имели за пределами полуострова – в низовьях Днепра и Буга [14, с. 96–97].

С завоеванием хазарами степей Северного Причерноморья в Крыму активизируется этнический процесс. Тюркские мигранты инфильтруются и проходят через этническую мембрану коренного населения полуострова и активно участвуют в формировании этнического ядра крымтатар.

ЭТНИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ТЮРКО-МИГРАНТАМИ И АВТОХТОННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ В ЭПОХУ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА (вторая половина VII–X вв.).

Основные этапы действия миграции в период господства хазар на полуострове (VII–X вв.).

Первый этап миграции кутригуры-булгары (салтовцы) из Дона и Приазовья (вторая половина VII – первая половина VIII вв.) заселяются компактно, вне автохтонного населения, в Центральном Предгорье, в верхнем и среднем течении рек Карасу, Салгир, Альма, Бельбек, Чоргун, в более чем 30-ти поселениях. Вскоре они были

вытеснены булгарским племенем – утигурами (салтовцы, вторая половина VIII в.) в горы полуострова. Оба племени включились в ассимиляционный процесс региона.

Второй этап миграции (вторая половина VIII–X вв.): салтовцы тюрко-булгары заселили более 80-ти поселений, которые располагаются на Керченском полуострове, юго-восточном, южном и западном побережьях полуострова [15, с. 62]. Из 80-ти поселений двадцать располагаются среди автохтонного населения. После разгрома антихазарского восстания жителей центральной горной зоны в 786 г. хазарами (утигуры) расселяются в районе Мангута (горный регион) [14, с. 211–212].

Численное соотношение между мигрантами-тюрками и автохтонным населением составляет 1:2. Расчеты производились на основании следующих данных: готов (VI в.) – 3 тыс., а (VIII в.) численность увеличивается до 4-х тыс. чел. Общая численность 20 тыс. чел., а в 40-е годы (VIII в.) в поселениях может составлять около 2-х тысяч воинов [15, с. 36–40]. Расчеты свидетельствуют, что тюрки-мигранты были в меньшинстве. Соответственно, они смешивались с автохтонным населением генетически и культурно. Согласно второго модуса миграции меньшинство передавало часть лексики языка, и оказало определенное воздействие на культуру автохтонного населения. Безусловно, не изменив его европеоидный брахифальный тип лица.

Тюркизацию усиливают вошедшие на полуостров печенеги (IX в.). В период господства печенегов в Крыму формируется горнокрымский этнос с ярко вы-

раженным тюркским компонентом. Этническая история тюрков печенегов продолжается и завершается в крымском периоде кыпчаков (XI – первая половина XIII вв.). В дальнейшем кыпчаки определили особенности этногенеза и этнической истории крымтатар.

АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ КЫПЧАКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО ЯДРА КРЫМТАТАР (XI–XVI вв.).

Многочисленные кочевники-скотодовы – турки-кипчаки с южносибирским обликом (менее монголоидные) – в Крым вошли во второй половине XI в. До образования Крымского улуса-юрта (середины XIII в.) они политически господствовали на полуострове. Арабский историк Ибн-ал-Асир (ум. в 1233г.) писал: «Судак – город кипчаков» [20]. Посол французского короля Г. Рубрук, следуя к Батыю в 1253 г., сообщает, что «города и замки платят дань куманам (так запад называет кыпчаков – РК) [21]. Политическую, экономическую и этническую активность кыпчаков в евразийских степях и в северном Крыму прервало нашествие орд Чингисхана, отряды которого входили четыре раза. Только к середине XIII в. они смогли утвердиться на полуострове. Население полуострова стало платить дань Орде. В степях и предгорьях Крыма организуется Крымский Улус.

В золотоордынский период (вторая половина XIII – первая половина XV вв.) в степях господствуют кыпчаки. Малочисленные монголы к середине XIV в. ассимилируются. Арабский историк Ал-Омари пишет: «В древности это государство (Золотая Орда – РК) была страной кипчаков (половцев – РК), но когда им завладели татары (монголы – РК), то кыпчаки одержали верх над природными и расовыми качествами их (татар – РК) и все они стали точно кыпчаки» [16, с. 235]. Это была ассимиляция генетическая, т.е. результат смешанных браков. Многочисленные тюрки-кипчаки за период XI–XVI вв. и в позднем средневековье определяют особенности этнического процесса в степях Евразии и Крыма.

Тюркизация населения горной части Крыма продолжается, этнически проявляясь через такие факты. В 1295 г. в г. Солхат (Старый Крым) на крымском кыпчакском языке был составлен сло-

варь *Кодекс Куманикус*, где отражаются особенности фонетики всех субэтнических групп крымских татар [18]. В горных районах и южном побережье Крыма уже в середине XIV в. были села с тюркскими названиями: *Таракташ, Бешев, Тавэль, Карагач...* [19]

В Судак в церковном календаре – синаксаре в записи (XIII – первая половина XIV вв.) отражается тюркизация жителей округа г. Судак за период 1223–1398 гг.: Токтемир, сын Стефана (1320 г.), Алачук, дочь Кости (1302 г.), Токта, сын Макария и т.д. Из 194 имен 52 чел. имели тюркские имена [20]. На наш взгляд, процесс тюркизации нетюркских предков крымских татар усиливает седентаризацию (оседание) кыпчаков в степях Крыма. Об этом свидетельствуют письменные источники: Ярлыки ханов конца XIV в. – Тимур-Кутлуга и Тохтамыша, крымских ханов [21]. В письме русскому царю (начало XVI в.) Менгли Герай сообщает: «что в поход выйдет, если уберет урожай» [22].

Процесс перехода на полукочевой образ жизни (середина XIV – первая половина XV вв.) происходит в период обострения вооруженной борьбы чингизидов за престол в Золотой Орде и образование Крымского ханства. Этот процесс часто затрудняет отгон скота на летники в низовье Днепра, тем самым нарушается условие ведения кочевого скотоводства. Кочевое население Крымского ханства активно оседает в предгорье и степях Крыма. В этот влажный период климат Северного Причерноморья и Крыма создает благоприятные условия для ведения земледелия [15, с. 16, 17]. Переход на полукочевой образ жизни резко увеличивает численность населения в горном регионе и в степях Крыма. В этих условиях в этнических отношениях между тюркскими (мигрантами) и нетюркскими (местными) предками крымских татар проявляется третий модус миграции. Соотношение численности тюрков-кыпчаков и автохтонных горцев соотносится. Рас-

чет по источникам показал, что в конце XV в. в горах проживали 180–200 тыс. человек [23]. Кыпчаков проживало в предгорье и степном Крыму в два раза больше, чем в период ведения кочевого скотоводства, так как в это время кыпчаки стали полукочевниками. При расчете численности кыпчаков следует учесть, что они стали полукочевниками. В это время урожайность трав на пастбище на зимнике в период влажности увеличивается в 1,5–2 раза.

Плотность полукочевника определяется по формуле (1): ПЭ (плотность экологическая) равна ПЭ = 15 ц х 0,6 х 100 га (1 кв. км) и делится на численность 18 овец х 3 кг/в день х 180 дней время пребывания на зимнике = 9,2 чел./кв. км. Формула (2): ЧК = 19 тыс. кв. км х 9,2 чел./кв. км = 180 тыс. чел. Эти цифры свидетельствуют, что численность горцев соотносится с численностью полукочевников кыпчаков. Этнокультурной ассимиляции горцев и южнобережцев способствуют следующие факторы.

1. Кыпчакский язык, как государственный язык, господствовал в Крыму, Евразийских степях, на «Шелковом пути» и на внутреннем рынке (базаре) полуострова.

2. Распространение и доминирование исламской религии в XIII–XV вв.

3. Полиязычность среди населения горной зоны.

4. Ко всему вышесказанному, следует учесть и то, что тюркизация нетюркских предков крымских татар длится более 1000 лет.

Вышеизложенные факты свидетельствуют, что в Крыму происходит активное формирование этнического ядра

крымских татар, где нетюркские предки ассимилируются по культуре (язык и религия). Это главные особенности этнического ядра крымскотатарского народа.

Литература.

1. Крым многонациональный. – Симферополь, 1988 – Вып. 1. – с. 69–72.

2. Очерки истории и культуры крымских татар – Симферополь: Крым, учебно-педагогическое государственное издательство, 2005 – с. 7–23.

3. Алексеев В.П. Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – Л.: Наука, 1980. – с. 169–181.

4. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1989. – 380 с.

5. Куртиев Р.И. Крымские татары: этническая история и традиционная культура. – Симферополь, 1998. – 152 с.

6. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. – 1862.

7. Якобсон Н.А. Средневековый Крым. – Л.: Наука, 1964. – с. 133–150; Каргалов. Конец Ордынского ига. – 1984; Броневский М. Описание Крыма – 1578 // Записки Одесского общества истории древности. – Т. 5. – 1867. – с. 333–367; Бабков И.И. Климат Крыма. – М., 1961. – 210 с.

8. Гортико А.А., Михеев В.К., Куртиев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты обществ. // Этнографическое обозрение – №1. – 1994. – М.

9. Дебеч. Е.Ф. Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологические материалы как источник изучения вопроса этногенеза. – Советская этнография, 1952. – №1.

10. Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. Переселение народов и формирование этнических общностей // Советская этнография, 1989. – №2.

11. Алексеев В.П., Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – с. 144–205.

12. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Д.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М.: Наука, 1987. – 252 с.

13. Алексеев В.П. Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – М.: Наука, 1980. – с. 69–181.

14. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь: Дар, 1999. – 352 с.

15. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев: Наукова думка, 1990. – 167 с.

16. Чичуринов И.С. Византийские исторические сочинения. – М.: Наука, 1980.

17. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой

Часть четвертая ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДКИ КРЫМТАТАРСКОГО ЭТНОСА

В этногенезе крымтатарского народа приняли участие не-тюркские и тюркские предки, которые определили особенности языка, антропологического типа и традиционной культуры этноса. Тюрко-гуннские племена представители тюркской цивилизации на рубеже IV–V вв. н. э. вошли на полуостров и открыли первую страницу тюркской истории Крыма, пришедший на смену тысячелетнему господству иранских племен: (киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, готы и аланы.) Гунны дали толчок к очень медленному и растянувшемуся на тысячелетие формирование крымтатарского этноса.

Этнические процессы, происходившие в Крыму в древности и, особенно в средневековье, были достаточно сложны и неоднозначны. Все упрощенные схемы, показывающие череду сменяющих друг друга многочисленных племен и народов, без этнического и культурного взаимовлияния, — еще больше будут отдалять нас от правильного понимания этногенеза народов, некогда населявших и ныне населяющих этот полуостров. Будет логически верным, если рассматривать этногенез, не только с расовых (этнических) признаков, но и как процесс неразрывно связанный с возникновением и распространением различных культур и цивилизаций, как местных, так и пришлых. Это, прежде всего, культура древних и средневековых кочевников, а также влияние эллинизма, и позже, византийского христианства. Здесь, конечно, необходимо учитывать и ландшафтную специфику различных регионов полуострова (степная, предгорная, горная и южнобережная части), но при этом неоправданно будет жестко проводить границы такого влияния. На завершающей стадии средневекового этногенеза мощным культурным влиянием в Крыму стал ислам, благодаря которому и сформировались крымтатары.

Только учитывая все эти факторы, можно будет показать последователь-

ность проникновения на полуостров различных племен и народов согласно известным историческим фактам. Но главное, необходимо подчеркнуть, где и как эти племена и союзы племен сформировались как единый народ — с общим языком, религией и культурой. Если это произошло на территории Крыма, то этот народ и является коренным, автохтонным, независимо от понятия этих терминов сегодня, в большей степени в юридической практике.

КИММЕРИЙЦЫ

Этноним «киммерийцы» встречается впервые в письменных источниках VIII в. до н.э. в разных вариантах: в ассирийских клинописных источниках под названием *гимирраи*, *гимирри*, в греческих — *киммерион*. В Библии говорится о старшем сыне Иафета (сына Ноя), который носит имя Гомер и является родоначальником киммерийцев. По данным археологических материалов, киммерийцы сформировались на рубеже бронзового и железного веков, когда часть ираноязычных племен — позднесрубников — из-за засухи стали переходить к кочевому образу жизни. Киммерийцы появляются в северно-причерноморских и крымских степях в начале железного века (IX до н.э.).

Киммерийцев наиболее подробно описал Геродот в своей «Истории» (V в. до н.э.). Он пишет, что киммерийцы некогда занимали территорию, которая в V в. до н.э. стала принадлежать скифам — степи Причерноморья и Приазовья.

По всей вероятности, часть киммерийцев была вытеснена с полуострова кочевыми скифами, а оставшиеся — ушли в горную Таврику, подчинившись скифам и ассимилировавшись с ними и другими местными народами.

Следы пребывания киммерийцев в Крыму отразились в топонимии: Киммерия, Киммерийский Боспор, Киммерийские стены (Восточный Крым), Киммерийская переправа (Керченский пролив). В книге Геродота «История» сообщается: «У реки Пирас (Днестр) находятся могилы киммерийских царей». После себя киммерийцы оставили преимущественно подкурганные погребения. Об этом свидетельствуют погребения под Джанкоем и с. Зольное (под Симферополем).

«Связываемые с киммерийцами захоронения совершались в прямоугольных или овальных ямах, большинство которых впущено в курганы, насыпанные в предшествующее время. В погребениях содержатся останки воинов с оружием и деталями конской упряжи, а также с лепной лощеной посудой. Изредка вместе с умершим хоронили и его боевого коня. В отдельных случаях над могилой устанавливали каменные стелы в виде человеческой фигуры. Погребения такого типа, а на сегодняшний день их известно свыше 10, открыты и в степной части Крымского полуострова».

Литература.

1. Колотухин В.А. Население горного и предгорного Крыма в VII–V вв. до н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. — Киев: Наукова думка, 1987.
2. Храпунов И.А. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке: Тавры. Скифы. Сарматы. — Симферополь: Таврия, 1995.
3. Советская историческая энциклопедия. — Т. 7. — 1965. — с. 240–241.

Киммерийские воины

ТАВРЫ

Впервые тавры упоминаются в греческих источниках V в. до н.э., в частности, в «Истории» Геродота. Они заселяли горно-лесную зону полуострова. Тавры занимались земледелием и отгонным скотоводством, охотой и рыболовством. Историк IV в. н.э. Аммиан Марцеллин, называет три таврских племен: арихи, синхи и напеи. По Страбону, тавро-скифское племя, поэтому, возможно, они говорили на родственном языке скифов. По антропологическим данным, тавры имели узкое грациальное лицо и относились к европейской расе. Физический тип лица схож с обликом греков. В соответствии с древними письменными источниками, тавры — это общее название племен, населявших крымские горы, а, возможно, если вспомнить Страбона, и более обширные территории, но в пределах Крыма. Существует несколько гипотез этнонима «тавры». «Долгое время наиболее популярной была точка зрения М.И. Ростовцева, в соответствии с которой тавры — это грецизированная форма какого-то туземного, близкого по звучанию, слова. Иными словами, греки слышали, как называли себя сами тавры. Это слово напоминало им по звучанию греческое *tauros* (быки) и, таким образом жители полуострова получили свое греческое имя. По мнению Э.И. Соломо-ника, греки называли Тавром Крымские горы. От оронима (название гор) произошел этноним тавры и топоним Таврика. Следовательно, тавры — это горцы, жители Тавра (Крымских гор)».

По мнению многих исследователей, «Тавры — это потомки племен носителей срубной культуры», они «...сыграли существенную роль в этногенезе киммерийцев и скифов», и «...очень вероятно, что «срубники» также говорили на одном или нескольких языках иранской группы индоевропейской языковой семьи. Таким образом, и тавры, как потомки носителей срубной культуры, могли говорить на одном из иранских языков».

Наиболее ранние археологические памятники тавров датируются XI в. до н.э. Погребения производились в каменных ящиках и умерших укладывали в скорченном положении на боку. Оружие, предметы быта и украшения изготавливались из бронзы. Поклонялись богине Деве. В VI–V вв. до н.э. в их среде сформировался хозяйственно-культурный склад, связанный с отгонно-пастбищным скотоводством и мореплаванием.

На границе степей и предгорий в VI–IV вв. до н.э. также шел процесс смешивания тавров и скифов, что подтверждают подкурганные погребения, сочетающие скифские и таврские черты поминально-погребальной обрядности. Тавры упоминаются в эпиграфических документах первых веков н.э. в связи с событиями войны 49 г. н.э. В надписях, и в письменных источниках для обозначения населения Крыма широко употребляется термин «тавроскифы» или «скифотавры».

«Ассимиляционные явления породили искусственный этноним «тавроскифы». Начало этих процессов следует отнести, возможно, ко II в. до н.э., когда в источниках тавров начинают именовать «скифским племенем». Смешение тавров и скифов происходило постепенно. В дальнейшем тавры к II–III вв. н.э. были полностью ассимилированы со скифами, аланами, готами и другими оседавшими в Крыму племенами».

Литература:

1. Герасимова М.М. Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в Северо-восточном Причерноморье (Боспорское царство). // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. — М.: Наука, 1982. — С. 22–23.
2. Храпунов И.А. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке: Тавры. Скифы. Сарматы. — Симферополь: Таврия, 1995.
3. Советская историческая энциклопедия. — Т. 14-1973-С. 21-22.

ХЕРСОНЕС

Заселение эллинами Причерноморья происходило постепенно. Заселялось в основном морское побережье. Античные города и поселения были сосредоточены в районе Боспора Киммерийского (Керченский полуостров) где выходцы из Милета (Малая Азия; современный Балат, Турция) в первой по-

ловине VI в. до н. э. основали город Пантикапей (Керчь).

В районе Западного Крыма, в конце V в. до н.э., выходцами из Гераклеи Понтийской (тер. совр. Турции, на южном побережье Черного моря,) был основан Херсонес, на месте существовавшего до него таврского поселения. «Основание Херсонеса эллинами было по существу присоединением их к уже существовавшему туземному поселению». Северо-причерноморские эллинские общины не были закрыты местному населению. В результате проживания в Херсонесе гераклеотов синопцев, здесь сильнее проявилось малоазийское культурное влияние. В конце IV — начале III вв. до н.э. Херсонес вступает в полосу политического и экономического расцвета. Из небольшого поселка он превращается в значительный по тому времени город, со значительным выросшим населением. Быстрый рост населения города произошел за счет того, что по большей части молодые мужчины — брали в жены молодых женщин из местного населения, создали семьи, чем был обеспечен естественный прирост.

Херсонес как город перестал существовать в конце XIV в. и обезлюдил в первой половине XVI в. Гибели Херсо-

Жители Херсонеса

неса, как торгового центра Черноморского бассейна, способствовали следующие факторы: 1. Чума 1348 г.; 2. Византия в середине XIV в. запретила Херсонесу торговлю с народами Черноморского бассейна; 3. Амир Тимур (Тамерлан) в 1395–1396 гг. разрушил город. В этой ситуации население Херсонеса в XIV в.: «...спасаясь бежали в Мангуп и Каламиту» (Латышев, 1896 г.). Физический облик у них был европеоидный (круглолицые) сходный с жителями Мангупа, Эски-Кермена и Каламиты. Они растворились среди местного населения Мангупского княжества, в котором давно шел процесс тюркизации. Покинувшее территорию Херсонеса и пришедшее на территорию Мангупского княжества население, не были выходцами Греции (греками).

«... А.Л. Бертъе-Делагард, Н.Н. Мурзакевич, А.И. Маркевич и др. больше интересовались античным – эллинским, а также христианским – византийским периодом Крыма. Отыскание христианского и античного прошлого Крыма, определило дальнейшие приоритеты в исследованиях. Причем в своем изучении, на наш взгляд, они не учитывали сложных этнических процессов, происходивших на территории Крыма. Попытка видеть и искать все истинно греческое, аланское и готское, и даже славянское уводила их все дальше от понимания подлинного этногенеза прошлого Крыма, более сложного и неоднозначного, поэтому не всегда понятного для них. (Бертъе-Делагард А.Л.) Крымские татары им виделись лишь захватчиками, которые пришли «довольно поздно» в Крым, нарушив «естественное» развитие его. Не учитывая давние тесные связи, с одной стороны тюркской кочевнической культуры, которая уже со времени гуннского завоевания, присутствовала в северном Крыму и оседлой культурой, как местных племен предгорного и горного Крыма, так и городов-полисов эллинской культуры возникших, прежде всего, как торговые фактории в землях местных крымских народов.

К сожалению, и сегодня есть историки, занимающиеся исследованием этнической истории Крыма, которые понятие «эллинизм» связывают, почему-то только с этническим понятием «греки», не принимая в расчет исследования крупнейшего знатока эл-

линизма И. Г. Дройзена, который и ввел это понятие в научный оборот. Отсюда и выводы об этнических греках, заселивших полуостров. На наш взгляд, здесь было бы уместным говорить об эллинах не как об этносе, но как, прежде всего, о народах носителях культурной традиции эллинизма, распространенной и внедрявшейся в культурные традиции местных народов, выходя далеко за пределы собственно Греции, – в Северной Африке, Малой Азии и далее вплоть до Средней Азии на востоке. Не исключение и Северное Причерноморье, вместе с Крымом.

«Ни эллину, ни иудею» – эти слова упоминаются в клятве херсонеситов. Вопреки этому херсонеситов упорно называли греками, отказывая в создании этой античной полисной культуры, наряду с эллинскими колонистами Малой Азии, также местным автохтонам Крыма. А все, христианское население Крымского ханства, которое сформировалось в VI по XII века в течении более пятнадцати веков, после прибытия первых колонистов (VI–дв. до н.э.), русские исследователи из ООИД и ТУАК также именовали греками и армянами, и никого не смущал, тот факт, что исследуемые народы в этническом и антропологическом, не говоря уже об этнографическом аспекте (общие крымские традиции и культура, а также язык), мало отличались от мусульман южного берега и предгорной части. Такая идентичность трактовалась лишь с позиций позднейшего влияния татар-мусульман на другие этносы Крыма, что на наш взгляд является значительным упрощением сложного этноконфессионального прошлого Крыма. Так, например, отрицалось христианство кыпчаков (половцев) Крыма, до монгольского завоевания, (Бертъе-Делагард А.Л.) и, таким образом, игнорировалась полностью тюркская составляющая христианства на полуострове» (Эминов Р.Р.).

Литература.

1. Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. – Красноярск, изд. Кр. университета, 1986. – 191 с.
2. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1846.
3. Алексеев В.П. Характеристика

хронологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма. // Исследования по палеоантропологическим и краниологическим СССР. – М: Наука, 1980. – с. 169–181.

4. Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – 1920. – № 57. – С. 1-135.

5. Дройзен И. Г. История эллинизма. В 3-х томах. – М., 1993.

6. Бертъе-Делагард А. Л. Указ. Соч. С. 9.

7. Эминов Р.Р. Заведующий этнографическим отделом Музея истории и культуры крымских татар при Бахчисарайском историко-культурном заповеднике.

СКИФЫ

Скифы были одним из мощных и известных народов древности. Само название скифов – сколот, скифами же сколотов называли греки. Происхождение скифов до конца не выяснено. Возможно скифы были потомками коренных племен, издавна живших на причерноморской земле или представляли собою несколько родственных индоевропейских кочевых племен североиранской языковой группы, ассимилированной местным населением. Также возможно, что скифы появились в Северном Причерноморье из Средней Азии, выдвинутые оттуда более сильными кочевниками.

По мнению современных исследователей, скифы, проникнув в VII в. до н.э. в причерноморские степи, ассимилировались с жившими здесь ираноязычными племенами срубной культуры. По определению многих ученых, Язык скифов относится к северо-иранской группе языков, европеоидный тип лица – узкий, с массивным черепом.

Скифы делились на несколько племенных объединений: скифы-пахари, скифы-земледельцы, скифы-кочевники и царские скифы. Самыми сильными были Царские скифы. Впервые скифы появляются в Крыму в середине VII в. до н.э. на территории Керченского полуострова. В конце VI-начале V в. до н.э. они освоили район Перекопа и северо-западный Крым. В IV в скифы стали осваивать крымские предгорья. В III в. до н.э. возникают крупные скифские поселения – Кермен-Кыр, Булганакское и другие.

Скифы

В III в. до н.э. скифов стали теснить с востока сарматы, а с запада – македоняне и фракийцы. К концу III в. до н.э. размеры Скифского государства значительно сокращаются. Центр Скифии переносится в Крым. II в. до н.э. возникло Позднескифское государство. Скифский царь Скилур на реке Салгир (на территории бывшего г. Акмечит и современного Симферополя) на рубеже III – II веков до н.э. «расстроил и укрепил город, существовавший уже сто лет и получивший название Неаполь Скифский. Очевидно это поселение Керменчик, находящееся непосредственно в Симферополе»

Под властью скифских царей остались только Нижнее Приднестровье и степной Крым. В районе Феодосии и Арабатской стрелки оно граничило с Боспорским царством, на юго-западе – с Херсонесом, на юге – с таврами.

Существует много различных мнений о том, были ли скифы пришлым племенем или их корни уходят в местную этническую среду. Сопоставив сведения, которые сообщают античные авторы, можно заметить, что принципиальных различий между киммерийцами и скифами не было. Согласно утверждения Геродота о вытеснении киммерийцев скифами, можно заключить, что террито-

рия расселения обоих народов совпадала. Совпадают и ареалы некоторых особенностей расселения, хозяйства и особенности общественного строя киммерийцев, тавров и скифов, характерные племенам позднесрубной культуры. Отсюда вывод, что скифы слились с местным населением, которое, в основном, оставалось на старых местах.

Некоторые элементы традиционной культуры. Мужчины носили широкие штаны, кафтан, на голове – войлочную шапку, на ногах – сапоги до колен. Женщины носили платья, доходящие до щиколоток, на голову набрасывали длинные платки.

В предгорьях строили одноэтажные и двухэтажные дома из камня. Скифская религия относится к числу индоиранских верований, почитали богиню очага – Табиту, бога неба – Папай и его супругу Али, которая являлась богиней земли и воды. Скифы в III в. до н.э. – III в. н.э. производили захоронения в подкурганных погребениях в каменных ящиках. Это единственное историческое (археологическое) свидетельство о процессе смешения таврского и скифского населения, происходящего в предгорье.

Активное участие в этнической истории скифов в I в. н.э. приняли сарматы. В какой-то степени они сарматизировали скифов. В погребении скифов усиливается восточная ориентация, увеличиваются количество подбойных могил. В погребальном инвентаре скифское оружие заменяется сарматским, распространяется обычай обшивать одежду бурами, появляются зеркала, усиливается распространение сарматских знаков. Так, заметно усиливается влияние сарматской культуры на поздних скифов, которые приобретают «сарматизированный облик».

Этноним «скифы» встречается последний раз в Боспорской надписи 193 г. н.э. Боспорский царь Рескупорид III (210 – 226 гг.) назван царем «всего Боспора и тавроскифов».

Во второй половине III в. н.э. в Крым вторглись готы и аланы: готы заняли Южный берег, а аланы оттеснили скифов в юго-западный горно-лесной регион. В 380 г. гунно-аланский союз окончательно, фактически, уничтожил государство поздних скифов. Остатки скифских племен совместно с готовыми приняли участие в формировании раннесредневекового народа полуострова.

Литература.

1. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 3-145.
2. Храпунов И.А. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. – Симферополь: Таврия, 1995.
3. Советская историческая энциклопедия. – М. – Т.12. – 1969.
4. Высотская Т.А. Поздние скифы в юго-западном Крыму. – Киев: Наукова думка, 1972.
5. Зубарь В.М. Херсонес-Таврический и Римская империя. – Киев: Киевская Академия Евробизнес, 1994.
6. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь: Дар, 1999. – С. 13-55, 225-230.

САРМАТЫ

Сарматы (лат. *Sarmatae*) впервые упоминаются Геродотом и Диодором Сицилийским. Ученые считают, что сарматы принадлежат к ираноязычным племенам и относились к круглоголовой европеоидной расе. Сарматский союз племен сформировался в V–IV вв. до н.э. и занимал Приуралье, Поволжье (включая астраханские степи), Прикубанье, Сев. Кавказ и Сев. Причерноморье. В III–II вв. до н.э. часть сарматских племен (сираки и аорсы) освоила предкавказские равнины, другие (языги и роксоланы) – установили свою власть в степях Северного Причерноморья. В низовье р. Дон и в Прикубанье шла ассимиляция сармат с меотами. В конце II в. до н.э. сарматы выступали союзниками скифов против Понтийского государства. Участвовали в междоусобных войнах Боспорского государства, постепенно заселяя его города. В I в. до н.э. сарматы были союзниками понтийского царя Митридата VI Евпатора в его борьбе с Римом.

Проникновение сарматов в Крым шло двумя путями: с севера – через Перекоп и из Закавказья и Прикубанья – через Керченский полуостров. С сарматами связана и боспорская династия царей Савромата I и II. Влияние сарматов на культуру Боспора возрастает в первые века нашей эры, когда увеличивается приток сарматов в Крым и начинается их массовое оседание на землю.

В это же время сарматы оседают на землю в крымских предгорьях, плодородных долинах крымских рек, на тер-

Сарматские всадники

ритории позднескифского государства. Лучше всего этот процесс виден на материалах исследований позднескифских могильников.

Сарматские погребения появились, в частности, на некрополях Неаполя и Усть-Альминского поселения. Здесь раскопаны участки, состоявшие из подбойных могил, с узкой входной ямой и закрытым каменными плитами подбоем. Своих умерших сарматы хоронили в вытянутом положении на спине, помещая их в деревянные колоды или заворачивая в кошму. При этом ноги скрещивали в щиколотках или голени и перевязывали веревками, а руки одну или обе помещали на таз. Выявлены присущие сарматской культуре черты: обычай обшивать края одежды бусами, На многих позднескифских памятниках обнаружены особые тамги, которые обычно называют сарматскими. Предполагают, что это были знаки собственности. «Сарматскими знаками» помечали строительные материалы, стены погребальных сооружений, поясные пряжки, конскую сбрую. Кстати, множество таких знаков известно на Боспоре. Их чеканили даже на монетах боспорских царей. Их могильники II – первой половины III в. раскопаны в долинах Альмы. Здесь хоронили в подбойных, плитовых и грунтовых могилах. И обряд, и основные категории инвентаря – сарматские.

Сарматы в раннее средневековье смешались с другими народами, в большей степени с тюркоязычными племенами. В культуре сармат раннего периода одежда, оружие, сосуды и другие бытовые предметы украшались стилизованными изображениями (плоскими, гравированными, рельефными, объёмными из золота, бронзы, кости, рога, камня) животных.

Культура, идеология и язык сарматов были близки скифам, поэтому синкретизм этих народов шел быстро. Они взаимно обогащали друг друга, сохраняя, вместе с тем, черты своей индивидуальности.

Литература.

1. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964.
2. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1984.
3. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. – Киев: Наукова думка. – 1986.
4. Скифы и сарматы. – Сб. статей. Киев: Наукова думка. – 1977.
5. Храпунов И.А. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. – Симферополь: Таврия, 1995. – с. 50-75.

АЛАНЫ

Аланы – одно из сарматских племен, зафиксированное впервые письменными источниками середины I в. н. э. Готы, продвинувшись в Северное Причерноморье, как бы рассекли аланский массив на две части. Аланы, оказавшиеся в то время на Дунае и западнее, многократно упоминаются письменными источниками как сила, действовавшая в Западной Европе и даже в Северной Африке вплоть до V в. н. э. Еще более мощная аланская группировка осталась на востоке – Нижнем Дону, Приазовье и Северном Кавказе.

Аланы занимали большую часть Северного Кавказа в эпоху средневековья. Оттуда, через Боспор Киммерийский (Керченский пролив) и территорию Боспорского царства, часть алан переселились в Крым. В самом конце IV или начале V в. в связи с угрозой, которую представляли собой шедшие с востока кочевники-гунны, аланы перешли на новые места – в предгорье и горы. В результате формируется своеобразная культура средневекового населения Крымских гор и предгорий. Ее создателями, как полагают практически все современные исследователи, были преимущественно аланы и готы.

Начиная с XIII в. крымские аланы или асы многократно упоминаются в письменных источниках. В первой половине XIII в. христианский миссионер, епископ Феодор по дороге в северо-

кавказскую Аланию прибыл морем в Херсон. «Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана города», – пишет Феодор. Благодаря свидетельству Феодора становится ясно, что аланы концентрировались в Юго-Западном Крыму.

В июле 1253 г. посол французского короля Г. Рубрук на пути из Судак к Перекопу в степи встретил алан. Они «...христиане по греческому обряду, имеющие греческие письма и греческих священников. Однако они не схизматики подобно грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц». Во второй половине XIII в. аланы упоминаются среди жителей города Крым (ныне – Старый Крым).

Важнейшее свидетельство о крымских аланах принадлежит арабскому географу Абу-ль-Фиде (Абульфедя). «Керкер или Керкри... находится... в стране асов, его имя значит по-турецки сорок человек; это укрепленный замок, труднодоступный; он опирается на гору, на которую нельзя взойти. Наверху горы есть площадь, где жители страны (в минуту опасности) находят убежище. Этот замок на некотором расстоянии от моря; жители принадлежат к племени асов... Керкер находится на севере от Сары-Кермена; между этими двумя местами один день пути». Благодаря довольно точным топографическим указаниям, никто из исследователей не сомневает-

Алан

ся, что Керкер – это знаменитый «пещерный город» Чуфут-Кале, расположенный неподалеку от современного Бахчисарая. Сары-Керменом некоторые позднесредневековые арабские и тюркоязычные авторы именовали Херсон. Таким образом выясняется, что аланы населяли Юго-Западный Крым. Об этом же писал в начале XV в. арабский географ Ал-Кашкаиди.

Весьма интересные сведения об Алании и аланах сообщает в XV в. венецианский купец Иосафато Барбаро: «Далее за Кафрой по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней Алания, которая тянется по «острову» в направлении Монкастро. ... Благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы, они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем алан. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви».

Исторический экскурс Иосафато Барбаро во многом совпадает с новейшими представлениями археологов об этнической истории Крыма в позднеримское время и в раннем средневековье. Именно в этом источнике впервые употреблен этноним *готаланы*, который многие современные авторы смело распространяют на раннесредневековое население Крымских гор и предгорий.

Резюмируя, историю алан в Крыму можно представить следующим образом. В конце III–IV вв. они в значительном количестве переселяются на полуостров с Северного Кавказа. В раннее средневековье аланы, наряду с готами, стали одним из основных компонентов формирующейся в Крымских горах и предгорьях новой народности, которую некоторые современные историки называют готаланами. В позднем средневековье они населяют два региона. Один из них – густозаселенный, с центром в Кырк-Ер, локализуется в Юго-Западном Крыму, другой, менее значительный – в Юго-Восточной части полуострова. Отдельные группы алан расселились в Крымской степи, принимают участие в этногенезе крымтатар. Их длительное пребывание в горном Крыму зафиксировано многими топонимами, включающими элементы – алан или – ас.

Литература.

1. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – с. 249.
2. Ковальская В.Б. Кавказ и аланы. – М.: Наука, 1984.
3. Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). – М.: Наука, 1981.
4. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – с. 241–280.
5. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей Крым-Ор (Чуфут-Кале). – Симферополь: Таврия, 1993. – с. 41.
6. Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. – Л.: Наука, 1971. – с.157.

ГОТЫ

Готы – обобщенное название группы восточногерманских племен, позднее разделившиеся на западную (вестготы) и восточную (остготы). Готы по языку близки к северным германцам. Относятся к узколиней северно-европейской расе. Античные писатели (Плиний, Тацит, Птолемей, готский историк Иордан) называют, что в начале нашей эры германские племена (готы, гепиды, герулы, цейтунги...) жили на южном побережье Балтийского моря, на землях нижнего течения Вислы, выйдя сюда из Скандинавии. В последней четверти II в., под натиском начавшегося движения северных племен и в поисках плодородных земель, лесные земледельцы – германцы – стали продвигаться на Запад и Юго-Восток Европы. Вторая группа в конце II – в первой половине III в. вышла в Северное Причерноморье. Вскоре в Северном Причерноморье образуется государственное объединение – «держава» Германариха.

В первой половине III в. готы овладели нижнекубанскими землями, подчинили племена приазовских алан. Часть алан ушла в Крым. В середине III в. готы совместно с аланами вторглись в Крым и разгромили государство поздних скифов. Готы двинулись на южный берег, а аланы – в юго-западную часть. В 60-е годы III в. другая группа готов, следуя с севера (Перекопа), вышла к Херсонесу, затем ушла к Боспору. Значительная часть готов свою судьбу связала с Крымом.

Крымские готы. В 370 г. гунно-аланское объединение разбило «державу» Германариха, при этом значительная часть германцев была вытеснена в Рим-

скую империю. В 380 г. гунны вошли в Крым и направились далее на запад. Однако, после распада «державы» Аттилы, во второй половине V в. н. э. гуннское племя утигуры вошло на полуостров, и, увлекая за собой готов-тетракситов, продвинулось вместе с ними к Боспору. Утигуры остались на Керченском полуострове, а готы-тетракситы поселились за Меотийским озером (Азовским морем).

Крымские готы, после освоения южного побережья и юго-западного региона полуострова, создали свое царство Дорию. На основе готаланских племен и предков скифо-сармат в конце XIII в. образуется княжество Мангут (Мангуп). Политически господствующие готы-германцы составляли незначительную прослойку населения княжества. Антрополог Зиневич Г.П. отмечает, что «готы не оказали ощутимого влияния на антропологический тип населения, так как наиболее вероятно, что они были немногочисленны, смешались с местным населением, и, со временем растворились в местном субстрате» [5, с.31]. В XIII–XV вв. население Юго-Западного региона называли готами, иногда гот-аланцами, страну – «Готия» [6, с.157]. В записке немца Шильтбергера (1394–1427) эта область названа «Готфия». Посол Германии в Турции Бусбег (середина XVI в.) со слов жителя Крыма записал 68 готских слов.

Крымтатары – жители села Озенбаш (ныне Счастливое), называли крым-татар, проживающих на территории от с. Багатыр до Балаклавы, готфридами (с немецкого *готфрид* – «свободный гот»). Б.А. Куфтин отмечает, что жилища горных татар – это срубы, которые по форме напоминают скандинавские. Один из элементов такого скандинавского дома называется «разан» («разы») – готские разы – дом.

У готов существовал обряд трупосожжения (захоронения на территории совхоза Севастопольский, в Чернореченском, Бельбек I, на склоне горы Чатырдаг), иногда сочетался с трупоположением, в котором господствовали сармато-аланские черты.

Готские женщины носили широкий пояс с большой пряжкой. Готаланская этническая общность к XVI в. была тюркизирована.

Литература.

1. Яценко С.А. Германцы и аланы: О разрушениях в Приазовье в 236–276 гг.

н.э.//Петербургский археологический вестник. – СПб - Кишинев, 1997. – с. 154-163.

2. Иордан. О происхождении и деяниях готы (Пер. Е.Ч. Скрижинской). – М.: Изд. АН СССР, 1960.

3. Пиоро И.С. Крымские готы. – Киев: Лыбидь, 1990.

4. Айбабин А.П. Население Крыма в середине III–IV вв. н.э. // Материалы археологии, истории и этнографии Таврии. Т.5, 1996.

5. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М.: Наука, 1987.

6. Барбаро и Контарини о России. – Л.: Наука, 1971.

ГУННЫ

Гуннские племена образовались в II–IV вв. н.э. в процессе смешения тюркоязычных монголоидных хуннов, пришедших из Центральной Азии, с приуральскими уграми (предками венгров) и ираноязычными сарматами. После этого процесса хунны стали известны как гунны. Экономика гуннов базировалась на экстенсивном кочевом скотоводстве, которое при благоприятном климате нуждалось в дополнительной территории. Жилище – подвижная юрта, пища – мясомолочные продукты. Одежда из кожи и шерсти. В бою применяли сложный лук, стрелу с костяным наконечником. Впервые упоминаются в армянских письменных источниках 30-х годов IV в. н.э., византийских 70-х годов IV в. н.э. В процессе формирования отдельные группы гуннов в I–II вв. н.э. проникают в Восточную Европу и Северный Кавказ.

В 70-е г. IV в. н.э. началось массовое движение на Запад гуннских племен: утигуров, кутригуров, булгар, акациров, сарагуров, сабилов, хазар. В Северное Причерноморье гунны пришли двумя путями. Одна их группа двигалась вдоль восточного и северного берега Азовского моря. По пути они столкнулись с жившими на берегах Танаиса (Дона) аланами. Аланы были вынуждены заключить с гуннами договор и присоединиться к ним. Основная часть гунно-алан во главе с Баламбером перешла Дон, сокрушила готов. Вторая группа гуннов через Керченский пролив в 380 году вторглась в пределы Боспорского царства. Боспорские правители предпочли признать верховен-

Колонна гуннов

ство гуннов и уплатить им дань. Значительная часть населения предгорного Крыма (сарматы и аланы) оставило обжитые места, и переселилась в труднодоступные горные районы.

В середине V в. н.э. вождь Атилла объединил многочисленные племена гуннов и их союзников и объявил войну Риму. В нескольких сражениях римляне были разгромлены, но в 453 г. после смерти Атиллы его держава распалась. Многие гунны вернулись в Северное Причерноморье и Крымский полуостров. Племена *кутригуров* расселились в степях западнее р. Дона, племена *утигуров* в Приазовье, а племена *акациров* заняли территорию между Боспором и Херсонесом. Остальные гуннские племена влились в состав разных тюркских объединений.

Всего в Крыму исследовано около десятка гуннских погребений. Часть их совершена в разрушенных гробницах античной эпохи. Хоронили головой на север. Поклонялись солнцу и богу неба Тенгри и богине Умай. В некоторых захоронениях найдены золотые украшения, выполненные в так называемом «гуннском полихромном стиле». Отличительной особенностью этого стиля было разделение поверхности предмета на ячейки, в которых помещали камни или кусочки стекла. Сочетание золота и вставок красноватых оттенков создавало специфическую цветовую гамму. Благодаря гуннам, оружие и украшения «гуннского полихромного стиля» широко распространилось среди европейских народов.

Литература.

1. Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным.// Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. – М.: Наука, 1982. – С.14-30.

2. Засецкая И.П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гун-

ской эпохи в южнорусских степях. // Археологический сборник. №27, 1986. – Ленинград. – С.86-87. Она же, Золотые украшения гуннской эпохи. – Л.: Аврора, 1975.

3. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М.: Наука, 1980.

БУЛГАРЫ

История булгар тесно переплетается с историей тюркских племен (гуннов, авар, древних тюрков, хазар). Булгары появляются в степях Юго-Восточной Европы и на Северном Кавказе в 354 г. в составе гуннского союза. Булгары продвинулись сюда из Азии и вскоре расселились в Приазовье в бассейне Дона, Северного Донца и Северно-Причерноморских степей, где ассимилировали остатки сармато-аланских (иранских) племен.

Во второй половине VI в. степи Восточной Европы вошли в состав Тюркского каганата, владения которого распространялись от Причерноморья до Желтого моря. В 588 году Тюркский каганат распался на Западный и Восточный каганаты. В состав Западного Тюркского каганата входило и Булгарское племенное объединение, делившееся, в свою очередь, на две части. Первая часть булгар обитала к западу от Дона и Азовского моря, вторая – к востоку от них, в Западном Предкавказье. Сразу вслед за развалом Западного Тюркского каганата предводитель булгарского племени кутригуров, из рода Дуло-хан Кубрат (Куврат), начал объединять в Приазовских степях разрозненные булгарские

1. Булгар
2. Кыпчак
3. Печенежка

племена. В 632 году булгарам удалось освободиться от власти Западно-тюркского каганата и образовать независимое государство. Так было создано новое объединение, хорошо известное в источниках под именем Великая Булгария. В него входили не только тюркоязычные булгарские, но и угроязычные племена, ведущим языком стал тюркский.

Булгарские племена в основе принадлежали европеоидной расе. Среди них встречались группы с монголоидными чертами лица, круглолицые. Большинство булгар вело кочевой образ жизни. Обитали в юрте, питались мясом, рыбой и молочными продуктами. Они были искусными лучниками, имели боевые топоры, в походах использовали запасных коней. Для религиозных верований характерно поклонение предкам, божеству Тенгри (бог неба), культу духов. Пользовались 12-летним восточным календарем (годы: сомор (мышь), сыгыр (корова), вер (барс), тавшан (заяц) и т.д.)

Основным местом обитания булгар являлись причерноморские и приазовские степи, а также Северный Кавказ. В VI–VII веках часть булгар переходит к земледелию, к полуседлому образу жизни, у них появляются города – Фангория, Таматарха.

Великая Булгария после смерти Кубрата в 660 г. распалась на три части во главе с сыновьями Кубрата. Хазары воспользовались этим обстоятельством и разгромили союз булгар. Старший сын Батбай возглавлял утигуров. Они переселились на Крымский полуостров и расселились в предгорном и горном Крыму, подчинились хазарам и постепенно ассимилировались с готами и аланами. Сын Котраг увел часть племен и осел на средней Волге. До прихода туда булгар там жили местные финно-угорские и добулгарские тюркоязычные племена. Булгары вошли в тесный контакт с ними и на рубеже IX–X вв. создали новое государство – Волжскую Булгарию. Аспарух, третий сын Кубрата, увел кутригуров к устью Дуная, где в 70–80-х годах VII в. создалась Болгарское государство.

Булгары-утигуры и часть кутригуров в составе крымской Хазарии (656–1016 гг.) смешались с готаланами горнолесной зоны полуострова и создали, таким образом, условия для последую-

щей тюркизации нетюркских предков крымтатар.

Этот фактор способствовал созданию условий для массовой инфильтрации тюрков в среду нетюркских предков крымтатар. В местах контакта тюрков с местным населением предгорья начался процесс метисации. В дальнейшем, тюрко-булгарские племена все активнее включаются в этнополитическую и экономическую жизнь полуострова.

Литература.

1. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М.: Наука, 1980.

2. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев: Наукова думка, 1990.

3. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990.

4. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988.

5. Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1987.

6. Генинг В.Ф., А.Х. Халиков. Ранние булгары на Волге. – М.: Наука, 1964.

7. Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). – М.: Наука 1967.

ХАЗАРЫ

Хазары – тюркские племена. В Восточной Европе появились после гуннского нашествия (V в.). Кочевали в Западно-Прикаспийской степи, между р. Сулак в Северном Дагестане и Нижней Волгой. В 60-х гг. VI в. хазары находились в составе Западно-Тюркского каганата. В середине VII в. после распада Западно-Тюркского каганата в Прикаспийских степях образовалось два государства; Великая Булгария и Хазарский каганат, представлявших собой военно-племенные союзы. Во главе Великой Булгарии стояли правители, ведшие свое происхождение, согласно «Именинику» булгарских ханов, от Атилы и Ирника, а потомки рода Ашин (Ашины – создатели Древнетюркского каганата) основали Хазарский каганат.

В состав государства вошли тюрки, угры (венгры), иранцы, также булгары, савиры, барсилы, беленджеры. Основная масса населения, судя по материалам могильников, состояла из близкородственных народов. Язык у них был общий – тюркский, очень близкий к тюрко-

Хазарский воин с пленником

булгарским языком. Многоэтничный компонент хазар определил их религию. Первоначально хазары были язычниками, поклонялись Тенгри – тюркскому божеству, священным деревьям (дуб), огню, воде, луне, и др. Существовал культ лошади. Хазарское язычество представляло собой сложную амальгаму культов разного содержания и происхождения.

В 50–70-е годы IX в. часть аристократии исповедует иудаизм, народ продолжал соблюдать веру древних тюрков. Христианство имело распространение среди подданных Хазарии – жителей Крыма и Закавказья. В конечном итоге, в X в. население Хазарии исповедовало ислам, христианство, различные языческие культы.

Население каганата делилось на «черных» и «белых». *Черными* называлась податная часть населения. *Белые* состояли из родовой знати. Знать, в свою очередь, была разделена на группы, состоявшие друг с другом в сложных иерархических отношениях. Хазарский каганат в экономическом и социальном развитии оказался сильнее, чем другие тюркские народы. Появляются города как центры ремесла и торговли. Хазары, наряду с кочевым скотоводством, занимались земледелием, торговлей, ремеслом и рыболовством.

Большие оседлые земледельческие области, города с ремесленным производством, связанные друг с другом внутренней торговлей и администрацией, способствовали распространению единообразной культуры на всей территории каганата, что также приводило к сплочению населения. В каганате была

широко распространена тюркская руническая письменность, которой пользовались не только правительственные круги, но и рядовые жители. Общепринятым государственным языком в каганате был тюркский.

Хазары владели многими городами, в т.ч. Дербент, Семиречье, Беленджер и др. В нижнем течении Дона находился еще один известный в средневековых источниках город – Саркел. В каганате было несколько более или менее крупных городов. Самым большим среди них был Итиль (или Атиль) на Нижней Волге – столица государства, выросший из ставки кагана. В X в. в Крыму владели городами: Керц (Боспор), Сугдай (Судак), Алуз (Алустон – Алушта), Л-м-б-т (Ламбат), Б-р-т-нат (Партенит), Алубита (Алупка), Кут (Скути), Ман-т (Магуп(т), Бурк(?), Алма..., где имели тудунов (наместников).

В конце IX в. внутри Хазарии вспыхивает междоусобица между иудаистом-царем и каганом, возглавившим значительную часть знати. Против правительства образовался своеобразный христианско-мусульманско-языческий союз. Междоусобицы сильно ослабили государство, что позволило проникновению в его пределы кочевых народов – мадьяр и печенегов. Печенеги в середине X в. нанесли удар по хазарам. Каганат был обескровлен, его экономике был нанесен сильнейший удар. Крайним ослаблением Хазарии воспользовался киевский князь Святослав, который в 965–969 гг. окончательно разорил каганат и разграбил многие их города. После крушения в X в. хазарские племена растворились в среде северокавказских и тюркских племен Юго-Восточной Европы, в т.ч. Крыма.

Литература.

1. Плетнева С.А. Хазары. – М.: Наука, 1976.
2. Артамонов М.И. История Хазар. – Л.: 1962.
3. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев: Наукова думка, 1990.
4. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990.

ПЕЧЕНЕГИ

Печенеги принадлежат к северной части огузских племен. Во II в. до н.э. в китайских письменных источниках упо-

минаются печенеги, обитавшие в среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи. Этническая история печенегов протекала в тесном союзе с огузами и в контакте с кипчаками, проживающими в этом районе. Союзы племен печенегов сложились в VIII–IX вв.

Китайцы называли печенегов *канюй*, а кипчаки – *канглы*. Самоназвание господствующих племен – кангар, что означает «благородный». Один из родов огузов, от которых брали жен, кангары именовали «баджанак», то есть муж сестры, жены. В русских источниках кангары назывались «печенеги». В арабском письменном источнике X в. упоминаются хазарские печенеги (Восточное Приазовье) и тюркские печенеги.

В конце X в. печенеги разгромили хазарский каганат и господствовали в Северном Причерноморье в течение 100 лет. Окончательно разгромил печенегов в 1036 г. киевский князь Ярослав Мудрый. Часть печенегов ушла в Венгрию, Болгарию и там растворилась в среде местного населения, другая часть ассимилировалась с кипчаками, остальная осела вдоль границы Киевской Руси и ассимилировалась со славянами. Крымские печенеги приняли участие в этнических процессах, происходивших среди населения полуострова.

Печенеги имели европеоидные черты с незначительной примесью монголоидных черт, по внешнему виду больше всего были схожи с современными туркменами. В Юго-Западной Европе печенеги, попав в тюрко-булгарскую среду, позаимствовали в свой язык элементы булгарского языка. Тюркологи-языковеды язык печенегов относят к огузо-булгарской группе. Язык этой группы имеет свои особенности: 1) в конце слова звук «г» больше переходит в «й». Например: бэг больше бэй – господин, катак больше катый – укрепление; 2) в начальной позиции больше «д» чем «т». Например: деве – верблюд; дегермен – мельница; 3) имеется звук «дж». Печенежские слова: озен – река, кичик – маленький, копек – собака, тав – лес. Сохраняется булгаро-печенежское имя Курт, что значит волк, которое используется в именах как первый компонент. Верхняя одежда укорочена до колен, сверху одевали куртки-безрукавки. Носили пояса с серебряным набором и пряжкой. Для управления ло-

Печенег

шадью пользовались овальными стремени с продолговатой петлей и отверстием, удела были без перегибов. Сабли имели слабо искривленный клинок. Посуда украшалась накатом, валиком и гирляндой.

В арабском источнике XI в. сообщается, что печенеги исповедовали языческую веру. Погребение печенегов: насыпь из земли, захоронение в неглубокой яме, ориентировка головой на запад. При захоронении рядом с покойным клали голову и ноги коня.

С середины VII по X вв. в степях и предгорьях полуострова (кроме юго-западной части) обитали тюрко-булгары. Печенеги появились в Крыму в 882 г. и к середине X в. заняли весь Крымский полуостров. Оттеснили тюрко-булгар в предгорье и тем самым усилили процесс тюркизации горцев. По словам Константина Багрянородного, они обитали вблизи Боспора и Херсонеса.

«Печенеги быстро стали торговыми посредниками Херсонеса. Они служили проводниками торговых караванов, сами привозили товары в Херсонес». Арабский историк Эль-Бакри писал о печенегах, что они очень радушно принимали чужеземцев, приезжавших торговать. «Они – темные брюнеты с совершенно бритыми бородами, бедны...» – писал о печенегах арабский путешественник Ахмед ибн-Фадлан в начале X в.

В последующем печенеги ассимилировались в тюрко-алано-булгарско-кипчакской (половецкой) среде предгорья. В исторической топонимии Крыма (на Южном берегу) встречаются родовые названия печенегов: талма (2 раза), Куртык (р-н Белогорска), Мачин (гора в районе Судака). Вполне вероятно, что диа-

лект предгорных крымтатар огузируется не турками, а огузо-печенежскими племенами. Поэтому нет оснований огузские элементы в языке относить к влиянию языка тюрко-сельджуков.

Литература.

1. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1969. – С. 256.
2. Заходер Б.И. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – Т. 2 – 1967. – С. 75, 76.
3. Плетнева С.А. Древности черных Клобуков. //Археология СССР, вып. 1–19. – М.: Наука, 1973.
4. Плетнева С. А. Печенеги.//В сб.: Исчезнувшие народы. – М.: Наука, 1988. – С. 35,45.
5. Черепанова Е.М., Шепинский А. А. Погребения поздних кочевников в степном Крыму. // Археологические исследования средневекового Крыма. – К.: Наукова думка, 1968. – С. 181–200.
6. Хачичев М.А. Именное словообразование в Куманских языках. – М.: Наука, 1989.
7. Щепинский А.А. Древности степного Крыма.
8. Археологические исследования средневекового Крыма. – Симферополь: Наукова думка, 1968. – с. 201.
9. Андреев А.Р. История Крыма. Глава 6. Печенеги в Крыму.– М.: Белый волк, 2002.

КЫПЧАКИ

Кыпчаки – одно из многочисленных тюркских племен, которых на Руси называли половцами, а в западных – команам. Впервые этноним *кыбчак* (кыпчак) упоминается в Орхонских памятниках VIII в. Сформировались кыпчаки в предгорьях Алтая и степях Восточного Казахстана, были тесно связаны с племенами огузов и печенегов.

Китайцы описывали кыпчаков как народ светловолосый и голубоглазый. Рыжим был мамлюкский вождь Сонкор, по происхождению кыпчак. Потомки команов в Венгрии, называемые чанго, часто имеют светлые, как лен, часто выющиеся волосы и голубые глаза, хотя встречаются среди них и брюнеты. Русское прозвище – половцы – происходит от слова «полова» – рубленая солома, что отражает цвет их волос – соломенно-желтый. По словам арабского географа XIV в., кыпчаки отличаются от других тюрков своей рели-

гиозностью, храбростью, быстротой движения, красотой фигуры, правильностью черт лица и благородством. По внешнему физиологическому типу кыпчаки, в основном, имели европеоидные черты.

В Северном Причерноморье кыпчаки разгромили печенежские племена, и часть их ассимилировали. В русских летописях подробно описывается то, как кыпчаки во главе с ханом Блуш (1055 г.) появляются у границы Киевской Руси.

Средневековые источники называют 11 крупных родоплеменных общностей кыпчаков: токсоба, бурджочлы, анджочлы, дурут и другие. К началу XII в. кыпчакские племена занимали степную часть между Днепром и Доном и входили в состав восьми орд.

«Основным занятием кыпчаков было кочевое скотоводство. Они разводили верблюдов, овец, лошадей и рогатый скот. Они имели торговые и политические связи с русскими князьями в XII–XIII вв. Кыпчаки были не только кочевниками-скотоводами, но и городскими жителями. В их владениях располагался ряд крупных городов: Сыганак, Джент, Барчынлыкент, Канлыкент, Саксин, Шару-хан – недалеко от современного Харькова, так же Ясы, Отрар, Ургенч и крымские города».

Одежда кыпчаков состояла: у мужчин – длинные кафтаны почти до колен, шаровары, длинные чулки. На ногах – высокие сапоги. На голову

надевали башлык и овальную шапочку. Одежда женщин почти такая же, как и у мужчин, только носили больше шести видов головных уборов. Прическу украшали рогорубчатым полукругом, изогнутым с двух сторон – от полей шляпы к плечам.

Играли на музыкальных инструментах рог, барабан; народного певца именовали «ырджы». Для фольклора характерно перевоплощение героя в птиц (лебедя, ворона) или животных: волка, быка. Распространенный мотив орнамента – геометрический: зигзаги, елочка, крутые завитки.

Кыпчаки веровали в бога Неба – Тенгри, почитали культ волка (бору), змеи (джылан). Характерные признаки погребального обряда: насыпь из земли и камней, ориентировка погребенного головой на восток, рядом с ним хоронили его коня.

Кыпчаки в Крыму.

Во второй половине XI в. кыпчаки вошли на территорию полуострова, кроме его горной части. До середины XIII в. города Крыма платили им дань. Арабский историк Ибн-ал-Асир писал, что Судак – город Кыпчаков. Кыпчаки продолжали жить в степях Крыма и в период господства монголов (XIII–XV вв.). Посол французского короля Гильоме Рубрук (1253) писал: «до прихода татар (*монгол – Рефат Куртмев*) города и замки команам платили дань... от них многие бежали к морю». Конечно же, все они не ушли, арабский хронист 60-х годов XIII в. отмечает, что в городе Крым проживали кыпчаки, аланы, и др.

Язык кыпчаков исследователи относят к огузо-кипчакской подгруппе. Современный крымтатарский язык представляет собой западную ветвь огузо-кипчакской подгруппы тюркских языков. На основе разговорного языка кыпчаков Крыма генуэзцы в 1294–95 гг. для общения с ними составляли словарь «Кодекс Куманикус», «...оригинал которого хранится в Венеции, в церкви святого Марка. Говорят, что этот словарь на пяти языках, с множеством древних тюркских загадок, держал в руках и изучал сам великий лирический поэт эпохи Возрождения Ф. Петрарка!» Codex Cumanicus не без оснований считается письменным памятником крымтатарского языка. Он был составлен в Крыму. Современный крымта-

тарский язык и язык Codex Cumanicus очень похожи.

«С приходом кыпчаков в Крым в XI в. и начался заключительный многовековой тюркский период Крыма. Именно кыпчаки и завершили тюркизацию и создали преимущественную монолитность населения Крыма».

На протяжении многих столетий, степная часть формирующегося крым-татарского этноса еще долго продолжала вспоминать своих предков и называть себя кипчаками. Арабский путешественник Ибн-Батута в 1354 г. встретил кипчаков на Керченском полуострове. А население г. Евпатории и евпаторийского региона сохраняло самоназвание «кипчак» вплоть до 30-х годов двадцатого столетия. Крым-татарские письменные источники (XVII в.) сообщают, что население степей – это кипчакские племена. Следы их пребывания на полуострове подкрепляются такими фактами: до 1944 г. в топонимии было более 20-ти названий, включающих в себя компонент «кыпчак». В местах их проживания встречались десятки «каменных баб» (половецкие изваяния). Значительная часть крым-татар с XI в. до начала XIX в. сохраняет кыпчакскую основу.

Литература.

1. Баскаков А.А. Имена половцев и название половецких имен в русских летописях. Тюркская ономастика. – Алма-Ата: Наука, 1984. – с. 48-77.
2. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М.: Наука, 1987. – С. 218-221.
3. Плетнева. С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях. // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., Л.: изд. АН СССР, 1988.
4. Плетнева. С. А. Половецкие каменные изваяния. Археология СССР, вып. 4-2. – М.: Наука, 1974.
5. Археология СССР. Степи. Евразия в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981.
6. Тизенгаузен В.П. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб.: БИ. 1884.
7. Поляк А.И. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе. // Восточные источники народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М.: Наука, 1964. – с. 29-66.

8. Сайт hussarir.ru – Хазары.

9. Простор. Литературно-художественный и общественно-политический журнал Казахстана. – № 4, 2008.

НОГАЙ

«В конце XII – начале XIII века один из предводителей мангытов Хуилдарсэчэн был побратимом (анда) Чингисхана и командовал его передовыми отрядами. После гибели Хуилдара, в соответствии с его еще прижизненной просьбой, Чингисхан взял на себя заботу о его семействе. Мангыты, во главе с сыном Хуилдара – Мункэ-Калджа, состояли в левом крыле монгольского войска. По мере образования империи мангыты расселялись по разным улусам. Отдельные их подразделения мигрировали в Дешт-и Кыпчак, где объединили под названием мангытов большую часть местных кыпчаков и гузов.

Источники XV века застают мангытов в междуречье Яика и Эмбы полностью тюркизованными. Предводители мангытов получили ранг беглерибеги (главного военачальника и командира крыла) при ханах левого крыла Джучиева улуса. Этот пост занимали эмир Балтычак, его сын Едыге и потомки Едыге по линии его сына Нур ад-Дина до начала XVI в. Около 1447 г. Нур ад-Дин, беклерибег Абулхайра, фактически отделился от ханства левого крыла, превратив юрт в самостоятельное политическое образование. Во второй половине XV века влияние и могущество мангытских беглерибегов (биев) усилилось. При бие Саид-Ахмеди (правил в 1520–1548 гг.) подвластное ему владение окончательно превратилось в независимое государство.

Не будучи Чингизидами, мангытские предводители не имели право воспользоваться одним из монархических или династических титулов (хан, султан, торе и т. п.). В этих условиях был избран другой путь: использовать в качестве заместителя титула имя первого джучидского беглерибега Ногай, который фактически являлся и соправителем ханов в конце XIII века. Во второй половине XV в. термин «ногай» стал относиться не только к бию, но и ко всем его поданным. При этом понятие «ногай» подразумевало, во-первых, не исторического Ногай, который никогда не имел кочевий в Вос-

точной Дешт-и Кыпчаке, а беглерибега Едыге, носившего титул-прозвище «ногай». Во-вторых, слово «ногай» стало служить обозначением не только мангытов, но и всего остального населения государства безотносительно к племенной принадлежности. Слово «ногай» служило в тот период (последняя треть XV – первая четверть XVI века) не этнонимом, а «государственным именем», то есть обозначением принадлежности к ногайскому государству. Однако, к сожалению, все попытки объяснить происхождение этнонима «ногай» пока остаются на уровне гипотез».

В русских летописях этноним ногай появляется не ранее 80-х годов XIV в., в арабских и персидских – XV–XVII вв., а в крымских и турецких – в XIV–XV вв. В состав Ногайского Юрта входило свыше двадцати племен и родов тюркских и тюркизованных монгольских племен: мангыты (ядро Юрта), найманы, кыпчаки, алаши, канглы, алчины, коньраты, катаганы, уйгуры, ткаи, кенегес, кырык угыз, и другие. Мангытский юрт в русских средневековых источниках и в современной научной литературе получает название Ногайской Орды.

«Позднее, при взаимной ассимиляции племен Ногайской Орды, оно превратилось в общее этническое имя народа этого государства. После распада Ногайской Орды те ее жители, что переселились на запад, сохранили за собой этноним «ногай» (на Северном Кавказе до настоящего времени). Оставшиеся за Яиком вошли в состав казахского Младшего жуза (и позднее влились в казахский этнос), а также в состав ряда тюркоязычных народов».

Ногайская Орда в середине XVI в. разделилась на Большую и Малую ногайские Орды. Малые ногаи в 60-х годах XVI в. появляются в степях севернее Крыма. К ним в 40-х годах XVII в. присоединяется часть племен Больших ногаев, которые кочевали, от Нижнего Поволжья до Дуная. Менгли Герай I после разгрома Большой Орды 1502 г. в Крым привел часть господствующего рода Ногайской Орды – мангытов, которые расселились между Джанкоем и полуостровом Тарханкут. В этнической памяти крым-татар, эта территория сохраняется под названием «мангыт-ер» (мангытская земля). В последую-

Карло Боссоли. Чуфут-Кале. Остатки генуэзских укреплений

щем, политика крымских ханов была направлена на привлечение в Крым ногайцев. Таким образом, в XVI в. в Крыму обосновалась значительная группа ногайцев, которая расселилась в северной части полуострова (крымское побережье Азовского моря), впоследствии эта группа ассимилировалась со степными крым-татарами.

«Исторически верно так называть жителей районов крымского побережья Азова, Перекопа, между Тарханкутом и Джанкоем. Но основная масса жителей степей еще в XVII в. себя называли кипчаками. Материалы топонимики Восточного Крыма, археологические данные и письменные источники позволяют отметить: район между Тарханкутом и Джанкоем называли «мангыт ери» (земля мангытов). Кырк тамгалы ногай (сорока тамговые ногаи) и другие родо-племенные подразделения ногайцев оседали в северных районах Крыма.

В XVII–XVIII вв. ногайцев ассимилировали степные крымские татары, поэтому северные крымские татары име-

ют более монголоидные черты, чем татары других регионов степной части Крыма. Потомки ногайцев восприняли язык и материальную культуру местных жителей. В свете этих данных нет оснований выводить происхождение степных крымских татар ногайцев и именовать ногайцами».

Язык ногайцев относится к кыпчакской-ногайской подгруппе и характеризуется основным признаком: наличие звука «дж», отсутствие звуков: «ч» (заменяется на «ш»), «ш» (заменяется звуком «с»), «ф» (на звук «п»). По физическому типу ногайцы более монголоидные, чем степные крым-татары.

Материалы, которыми историки располагают на сегодняшний день, позволяют с уверенностью утверждать: по происхождению ногайцы – это восточные кипчаки, а их государственное образование, Ногайская Орда XV–XVII вв., по своему территориальному положению, административному устройству, внешней политике, этническому составу населения, его языку и культуре выступала непосредственной преемницей

прежних кочевых империй Евразии.

Литература.

1. Трепалов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – 725 с.
2. Сыроечковский В.Е. Мухаммед Герай I и его вассалы // Ученые записки Московского госуниверситета. Вып. 61, История. – Т.2. – М., 1940.
3. Пушкарев С.Н. Заметки по поводу некоторых топонимов северо-западного Крыма // Историческое наследие Крыма. – № 11. – 2005.
4. Тунман. Крымское ханство. – Симферополь: Таврия, 1991. – С. 21.
5. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения: Сб. Камеральное описание Крыма 1784 года // Изв. Тавр. учен. арх. комис. (ИТУАК).
6. Маркевич А.И. Указ. соч. – С. 28.
7. Кондраки В.Х. Универсальное описание Крыма. – СПб., 1875. – Ч. 9 – С. 103.
8. Извлечение из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. – 1844. – Т. 1. – С. 384.

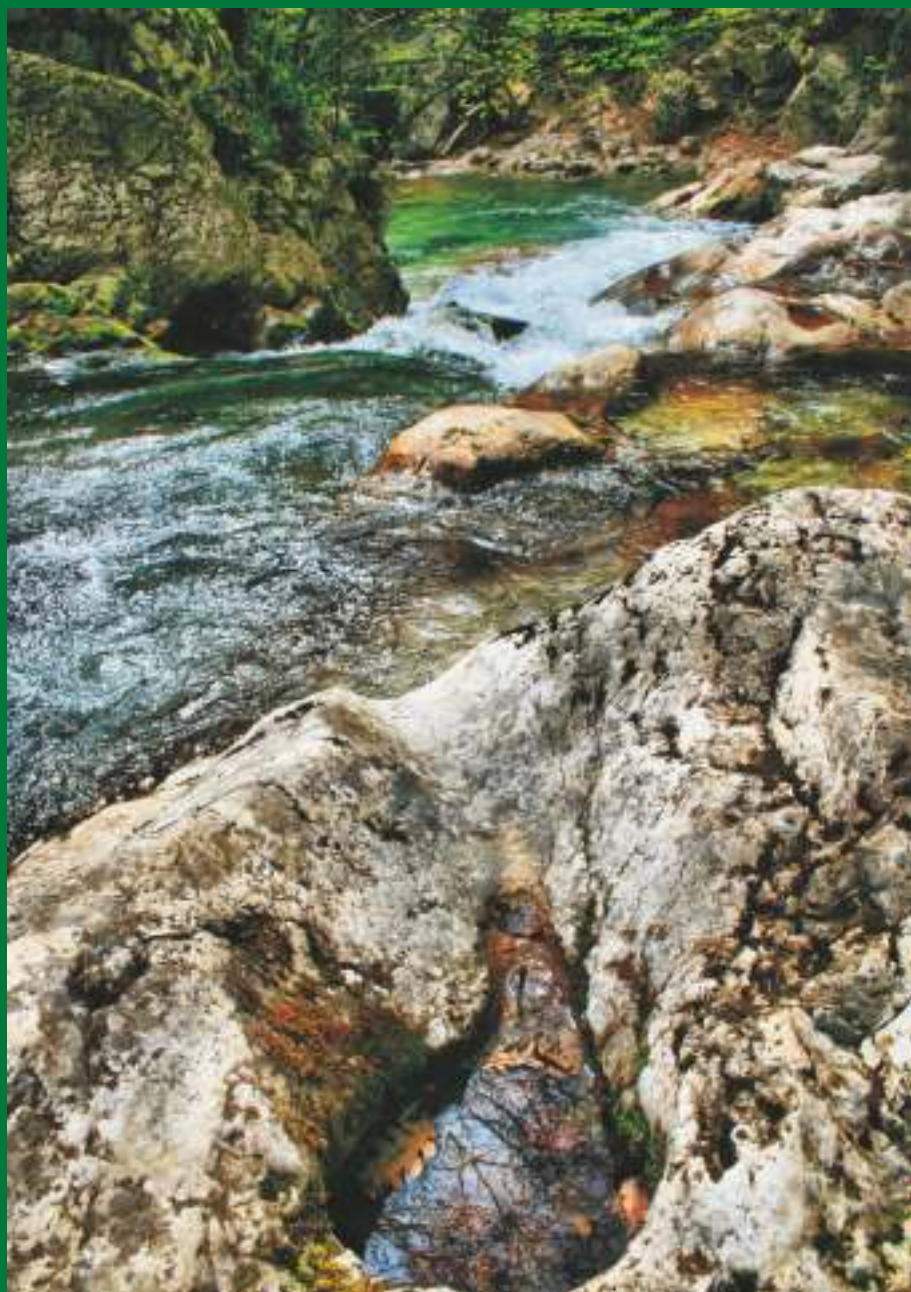

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОПЫТ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Рустем
ЭМИНОВ

Актуальные вопросы научного изучения истории Крымского ханства в российской историографии, стоявшие перед исследователями в конце XIX – начала XX веков, практически не менялись на протяжении этого периода¹. Не касаясь всего комплекса проблем, связанных с исследованием данной темы, обозначим основные вопросы, характеризующие проблему в целом. Это, в первую очередь, не исследованность вопросов внутреннего устройства Крымского ханства, в частности экономики и социально-конфессиональной структуры этого государства.

Достаточно тенденциозно рассматривались вопросы взаимоотношения ханской власти с различными религиозными общинами, а также последних между собой². Не было единого мнения в оценках исследователей по вопросам сношений Крыма с Османской империей. Подчас весьма сложных и запутанных, нежели чем простой вассалитет³. Внешняя же политика Крымского ханства часто рассматривалась с точки зрения только интересов Российской империи⁴. Также, не решенными оставалось множество других вопросов, вплоть до неясности точных дат правлений крымских ханов, в особенности начального периода образования этого государства. За редким исключением⁵ практически отсутствовала критика источников, несмотря на то, что поиск и введение их в научный оборот, было основным направлением в изучении истории Крымского ханства в XIX – начале XX веков в Российской империи. Даже учитывая вышесказанное, выявленных источников, было явно недостаточно в рассматриваемый период для всестороннего научного изучения этой темы. Попытка по-новому обозначить эти проблемы происходит уже в «советский период», в 20–30-е гг. XX века⁶. В это время наблюдается заметный интерес к истории крымских татар, по-разному трактуются различные аспекты, связанные с историей Крымского ханства, его экономики и социальной сферы⁷, издавались работы источниковедческого характера⁸.

Однако начавшиеся исследования, а также определенная полемика по ряду дискуссионных вопросов длились недолго и завершились полным господствующим положением одного направления, рассматривающим данную проблему с идеологических позиций, что особенно наблюдалось в послевоенное время⁹. Таким образом, несмотря на значительный фактический материал, содержащийся в некоторых работах¹⁰, выводы в них не выходили за рамки идеологической политики, осуществляемой в те годы в СССР по отношению к рассматриваемой проблеме. В вопросах внешней политики Крымского ханства, вернулись к оценкам российских историков-классиков XIX – начала XX веков¹¹, но была и полемика, в основном по вопросам взаимоотношений Крымского ханства с Османской империей и Россией¹².

Такое состояние дел в изучении этой темы продолжалось вплоть до начала «перестройки» в конце 80-х годов XX века¹³. Впрочем, здесь необходимо отделить работы источниковедческого характера, свободные от идеологических штампов, изданные в этот период¹⁴.

В 90-е годы происходит определенный перелом, связанный, прежде всего с возобновлением научных подходов в изучении данной проблемы. Однако политические и социально-экономические вопросы, относящиеся к истории Крымского ханства, рассматривались на уже имеющейся источниковедческой базе. Без привлечения новых источников, но уже не так однозначно, как в предшествующий период¹⁵. По-прежнему, не было научной критики выявленных источников, их сравнительный анализ, это касается как русских, польских и западных, так и крымских, турецких источников.

Не достаточно полно разработана эта тема и в настоящее время, хотя есть и заметные успехи¹⁶, но оценки и мнения по целому ряду проблемных вопросов в работах современных авторов также неоднозначны и спорны¹⁷.

Сегодня исследователи активно используют турецкие и западные работы по истории Крымского ханства, кото-

рые содержат ряд новых источников¹⁸, в тоже время в РФ и в Украине, есть источники, не введенные в научный оборот, например, ряд ханских ярлыков и «кадиаскерские книги». До сих пор, остаётся без всестороннего научно-критического исследования широко известный фундаментальный труд тюрколога В.Д. Смирнова¹⁹. Медленно продвигается научное изучение Крымского ханства в Украине, бывшая территория которого сегодня большей частью находится в пределах этого государства²⁰. В чем же причина такого положения в изучении данной темы, мало изменяющегося на протяжении вот уже почти двух веков?

Сегодня в Украине отсутствует научный центр, необходимый для решения проблем, связанных с изучением прошлой истории крымских татар, в частности Крымского ханства. На наш взгляд, решить эти проблемы посильно только государственной программой. Какие же приоритеты необходимо определить в таком изучении?

Здесь, как нам представляется, одним из главнейших направлений является развитие востоковедения в Украине, в частности тюркологии и османистики, без которых полноценное и всестороннее исследование Крымского ханства просто невозможно. Не принимая

1 Веселовский Н.И. [Рецензия] // ЖМНП. – 1889. – № 1, отд. 2. – С. 168–203. – Рец. на кн.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.

2 См. работы Д.М. Струкова, А.Л. Бертье-Делагарда, А.И. Маркевича, Ф.А. Хартаха.

3 Сестренцевич-Богущ С. История о Таврии: В 2 т. – СПб., 1806.; Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. – 2-е изд. – Киев, 1914.

4 [Лызов А.] История скифская, содержащая в себе о названии Скифии и границах её; о народах скифских; о начале и умножении Золотой Орды и о царях бывших там; о Казанской Орде и царях их и о взятии города Казани; о Перекопской Орде или Крымской и о царях их; о Магомете прелестнике Агарянском и о прелести вымышленной от него; о начале Турков и о султанах их, с приложением повести о поведении и жителстве турецких султанов в Константинополе: Из разных иностранных источников, наче же из российских верных историй повестей от Андрея Лызова прилежными труды сложено и написано лета 1692, а ныне в свет издана Николаем Новиковым. – 2-е изд. – М., 1787. – Ч. 1–3.; Левашов П. Картина или описание всех нашествий на Россию татар, турок, их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно через восемь сот лет продолжавшихся, с приложением нужных примечаний и разных известий, касательно Крыма, прав российских государей на оной и проч. – СПб., 1792.; Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год: Составлено преимущественно из известных по сие время рукописных материалов: В 5 т. – СПб., 1866.

5 См.: Бережков М. Н. Древнейшая книга посольских дел, 1474–1505 // ИТУАК. – 1894. – №21. – С. 27–55; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887. – С. II–XXXV.

6 В эти годы, как известно, в силу идеологических причин, ханство почти не рассматривалось в политическом аспекте, но была сделана попытка показать внутреннюю социально-экономическую структуру этого государства. См. об этом: Вишневский В. А. «Феодализм в Крымском ханстве». М., 1930; Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. – 1936. – № 3; Сыроечковский В. Мухаммед Герай и его вассалы // Уч. зап. Московск. ун-та. – 1940. – Вып. 61.

7 См. подробнее об этом: Прохоров Д. А. Некоторые проблемы изучения истории Крымского ханства в отечественной историографии (1920–1930 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. VII. – Симферополь, 2000. – С. 370–392.

8 Акчокраклы О. Татарские документы XX–IX вв., хранящиеся в Центральном архиве Крымской АССР // Бюллетень Центрального архивного управления Крымской АССР, 1931. – № 2. – С. 13–19; Он же. Крымские тамги в Крыму. – Симферополь, 1921; Он же. Старо-крымские надписи XIII–XV вв. –

значение других источников, например, русских и польско-литовских, научное исследование крымских и турецких источников на данном этапе должно быть, на наш взгляд, более приоритетным. Работы же, написанные без учета этих требований, следует считать неполными и недостаточно объективными. Попробуем подтвердить правильность подобного утверждения на примере краткого изложения истории исследования данной проблемы в России.

История изучения Крымского ханства в Российской империи развивалась, в основном, по двум направлениям. Первое, – работы востоковедов-тюркологов, основывавшихся на крымских и османских источниках (другие источники выступали лишь в качестве подтверждения), второе, – труды историков, бравших за основу русские и частично польско-литовские источники. Западные, европейские источники использовались и первыми, и вторыми (в основном, это свидетельства путешественников, записки очевидцев событий и сведения послов, актовый же материал использовался редко).

Для понимания проблем в изучении истории Крымского ханства кратко остановимся на зарождении востоковедения в Российской империи, акцентируя внимание на тюркологии и османистике, используя наиболее полное, на наш взгляд, исследование по развитию тюркологии в России тюрколога А. Н. Кононова²¹.

Согласно А.Н. Кононову, первый российский академик-историк Г.З. Байер был востоковедом, более того, первым тюркологом (перевел отрывок из Абул-Гази «Родословная тюрков»), возглавлял кафедру древней истории, а также восточных языков в Императорской академии наук еще в 1725 году²². А такие российские ученые-востоковеды середины и конца XVIII века, как: С. Негри [1], Г.Я. Керр, Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, П.С. Паллас [2], Д.Г. Мессершмидт, Г. Шобер, И.А. Гильденштедт [3], И.П. Фальк, И.Г. Георги [4], внесли ценный вклад в изучении тюркской этнографии и тюркских языков народов Поволжья, Сибири и Крыма²³. Это были, в основном, иностранцы, а также их потомки, приглашенные в Россию для создания Академии наук.

Надо отметить, что начало и развитие востоковедения в Российской империи, было связано не столько с пробле-

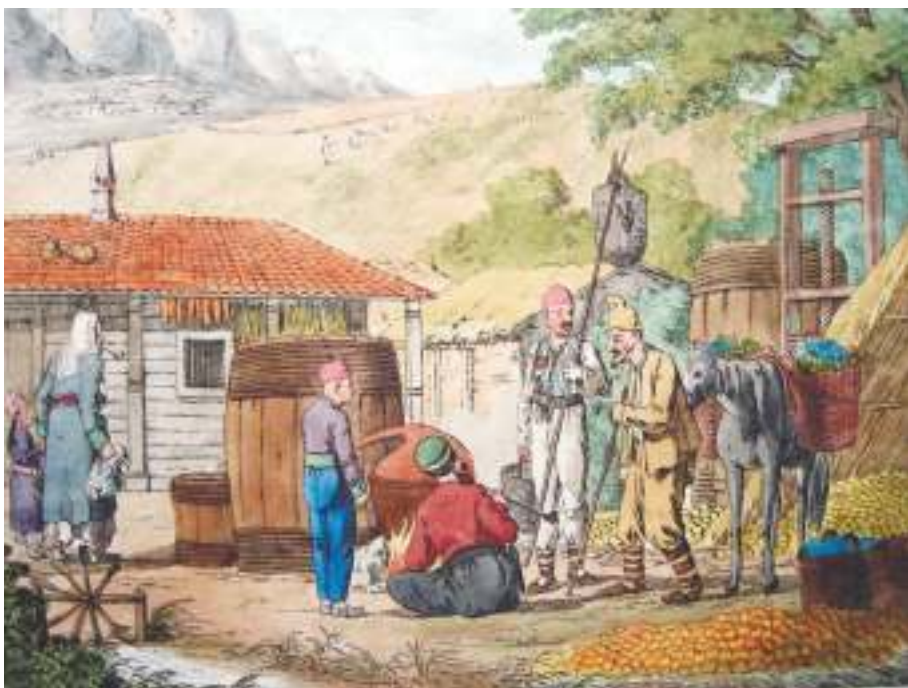
мами изучения «поданных инородцев» в ней, но, прежде всего, с государственным, дипломатическим аспектом стоящих перед правительством задач и реализации внешнеполитических планов империи, направленных на влияние и доминирование в соседних, преимущественно тюрко-мусульманских государствах. Это наглядно видно из подготовленного в 1733 г. проекта профессора Г.Я. Керра, для «настоятельной необходимости» учреждения в России Академии восточных наук. Вот выдержки из этого проекта, наиболее ярко характеризующие доводы ученого:

«1. Российская империя вела, ведет и будет вести постоянную переписку на турецко-татарском языке с Турец-

ким султаном, Крымским ханом, князьями Кабардинскими и другими – Черкесскими, Дагестанскими, Ширванскими и проч. (...).

3. К Российскому двору весьма часто прибывают посланцы азиатских государств в сопровождении единомышленников (...). Для бесед же с ними нужны люди образованные, грамотные, обходительные (...), а также требуются устные переводчики, именуемые обычно толмачами (...).

5. В исторических сочинениях, написанных на татарском, турецком, персидском и латинском языках, встречаются сообщения, достойные быть отмеченными для вящей пользы Российской империи.

6. Назначенные в пограничные с Турцией, Персией, Татарией, Бухарой земли Российской империи военачальникам, губернаторам, правителям, советникам, судьям необходимо знать, каким образом, действуя в соответствии с обычаями отцов этих народов, склонить их на свою сторону и укрепить в них благосклонность к Российской империи.

7. По причине секретных императорских дел, весьма часто имеющих место, Российской империи для её большей безопасности необходимы мужи и юноши, пригодные для выполнения поручений на Востоке, из среды самого русского народа. Каковы должны быть хорошо подготовлены к этой ответственной должности загодя, путем длительного упорного упражнения²⁴.

Однако учреждение Академии восточных наук, по всей вероятности не входило в планы правящей элиты империи. Этот проект так и не был полностью реализован и востоковедение, как наука в России продолжила свой сложный и нелегкий путь. В дальнейшем развитие и становление тюркологии как науки связано с организацией Азиатского музея²⁵ в Петербурге в 1818 г., который стал первым научно-исследовательским востоковедческим учреждением в России. В течение 112 лет Азиатский музей, преобразованный в апреле 1930 г. в институт востоковедения АН СССР, пополнялся древними и средневековыми произведениями Востока, а также рукописями на различных восточных – в том числе тюркских языках. Его первый директор Х.Д. Френ [5], внес несомненный вклад в изучение, систематизацию и описание тюркских летописей и нумизматического материала Золотой Орды и ордынских государств, возникших после её распада. Он являлся также профессором Казанского университета (1807–1817). С деятельностью Азиатского музея связаны имена таких востоковедов как А.А. Шифнер [6], Я.О. Ярцов [7], В.В. Радлов [8], М.А. Казем-Бек, И.Н. Березин, П.А. Савельев, научная деятельность которых прямо или косвенно была связана с проблемами изучения истории Крымского ханства, а также этнографии и языка крымских татар. Кстати, учреждение Азиатского музея и дальнейшее развитие научной деятельности на его основе, которые принесли значительные успехи в деле развития восто-

коведения в России, могут послужить примером для организации подобного центра в Украине, например, в Бахчисарайском историко-культурном заповеднике, куда входит и бывший Ханский дворец-музей. Тем более что создание такого центра по изучению «тюрко-татарской» культуры уже предпринималось ранее, а именно, У. Боданинским,

первым директором музея-дворца в 1917–1934 гг., с арестом и расстрелом которого все исследования в данной области были прерваны²⁶.

Надо признать, что изучение тюркского языкознания, этнографии и истории тюркских народов в XVIII–XIX века в России развивались, не всегда успешно, были разные периоды, напри-

9 Депортация крымских татар в 1944 году усугубила данную проблему – под запретом оказалось и научное изучение самого народа.

10 См. работы А. А. Новосельского и А. Л. Якобсона.

11 См. С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1855.

12 Достаточно полный обзор историографии Крымского ханства см. в работе: Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. – М., 2001. – С. 51–60.

13 См. работы: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. // Ученые записки МГУ, 1946. – Вып. 94; Он же. Борьба русского и украинского народа против агрессии султанской Турции в XVII–XVIII вв. // Воссоединение Украины с Россией, 1654–1954 гг. – М., 1954; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М., 1948.; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – М.-Л., 1964.; Александров В. А. Организация обороны южной границы русского государства во второй половине XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М., 1979.; Каргалов В. В. На степной границе. – М., 1974; Он же. Конец ордынского ига. – М., 1980; Греков И. Б. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. (по данным Э. Челеби) // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М., 1979.

14 Малов С. И. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953; Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979; Возгрин В. Е. Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины, т. IX. – Ленинград, 1978. – С. 318–334.

15 См. Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. – М., 1987.; Он же. Украина и русско-османские отношения второй половины XVII в. (историография вопроса) // Внешняя политика России. Историография. – М., 1988; Он же. Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // МАИЭТ. – Вып. 3. – С. 222–228; Он же. Граница России и Крымского ханства во второй половине XVII-первой половине XVIII вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.; Санин О. Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. – С. 275–279; Секиринский С.А. Секиринский Д.С. Аграрный строй крымских татар в XV–XVIII вв. // МАИЭТ. Вып. 2. – 1991. – С. 140–149.

16 Трепавлов В. В. Статус "Белого царя": Москва и татарские ханства в XV–XVI вв., в кн.: Россия и Восток: проблемы взаимодействия, Москва 1993, с. 302–311; Он же. История Ногайской Орды. – Москва, 2002; Он же. Малая Ногайская орда. Очерк истории, в кн.: Тюркологический сборник, 2003–2004. – Москва, 2005, с. 273–312; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. – М., 2001; Зайцев И. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. Весна 2003. С. 86–93; Он же. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). – М., 2004; Он же. Астраханское ханство. – М., 2004; Он же. Ad Fontes. Крымская историография эпохи средневековья в кн.: Тюркологический сборник 2003–2004. М., 2005. – С. 48–86; Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереломного времени, Москва, 2003; Гайворонский О. Повелители двух материков. – Киев-Бахчисарай, 2007.

17 Наиболее спорны и неоднозначны ряд выводов и оценок внешней политики Крымского ханства в монографии А. Л. Хорошкевич, но в целом, не принижает значительности этого труда, основанного на большом фактическом материале.

18 Kura t A. N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kirim ve Turkestan hanlarına ait yıllık ve bitikler. İstanbul, 1940; Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı., ed. A. Bennigsen, P. N. Boratav, D. Desai, Ch. Lemerrier-Quelquejey, Paris, 1978; Beldiceanu N. Les actes des sultans conservés dans manuscrits turcs de la Bibliothèque Nationale à Paris. Vol. I – II. Paris, 1964; См. также работы Х. Иналджыка (Н. Inalcik) и В. П. Остапчука (V. P. Ostapchuk).

19 А. А. Непомнящий правильно указав на ряд ошибок, а также на идейные взгляды Смирнова в его работах, все же не ставил своей целью детальный научно-критический анализ монографий автора. См.: Непомнящий А.А. В.Д. Смирнов – историк Крыма // МАИЭТ. – Вып. 2. Симферополь, 1991. – С. 156–160.

20 Значительная часть работ по истории Крымского ханства написаны в научно-популярном жанре. Не умаляя заслуг авторов, особенно крымских, выбравших данную форму, все же следует признать, что академическое научное исследование данной темы, сегодня является более актуальным.

21 Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – Л, 1982.

22 Кононов А.Н. Указ. соч. – С. 40–43.

23 Там же. – С. 57–71.

24 Цит. по: Кононов А.Н. Указ. соч. – С. 49–53.

мер, когда восточные факультеты и кафедры закрывались. Так, например, в Харьковском университете изначально основанная в 1805 г. кафедра восточных языков в том же году была закрыта после смерти преподавателя Барендта. Кафедра вновь была открыта после приглашения профессора Б.А. Дорна лишь 1830 г., но после его отъезда в Петербург в 1835 г. преподавание восточных языков (за исключением индийской филологии) в Харькове прекратилось²⁷.

Не получил своего развития и Восточный институт при Ришельевском лицее в Одессе, просуществовал он с 1828 по 1856 годы, известно что с 1838 до 1843 года здесь преподавал известный востоковед-тюрколог В.В. Григорьев, имел степень магистра, а последний год звание профессора²⁸.

В середине XIX века преподавание и изучение восточных языков как в С.-Петербургском, так и в других университетах в Российской империи находилось в плачевном состоянии. Прежде всего, с «неясностью целей и направлений, по которым должно было развиваться российское востоковедение»²⁹. В 1854 году, по указу Николая I, преподавание восточных языков в Казанском университете, Казанской гимназии и Ришельевском лицее было прекращено, а Отделение восточных языков С.-Петербургского университета преобразовано в факультет, где в числе других была кафедра турецко-татарского языка, которую возглавлял А. О. Мухлинский³⁰.

В Казанском университете (основан в 1805 г.) кафедра восточных языков была создана в 1807 году, и возглавил её профессор Х. Д. Френ (арабский, персидский язык), турецкий (татарский) язык стал преподаваться с 1812 года (первоначально лектура преобразована в кафедру в 1822 году). Кафедра была ликвидирована в 1855 году, возглавляли кафедру М.А. Казем-Бек до 1846 года, затем И.Н. Березин до её ликвидации (восстановлена в 1888 году, действовала до 1919 года, возглавлял кафедру Н.Ф. Катанов [9]).

Профессор М.А. Казем-Бек [10] в 1832 году перевел на русский язык и издал важный источник по истории Крымского ханства – рукопись Сейида Мухаммеда-Ризы «Ассебу-с-сейяр фи ахбари мулюки татар» или «Семь планет в известиях о царях татарских».

Татарская деревня.
Конец XVIII века.

И.Н. Березин [11], ученик М.А. Казем-Бека, стал крупным историком востоковедом, его работы по истории Золотой Орды и переводы ярлыков золотоордынских и крымских ханов внесли существенный вклад в развитие российской тюркологии, в том числе и истории Крымского ханства.

Подлинный расцвет в изучении тюркологии связан с созданием в 1863 г. кафедры истории Востока на Факультете восточных языков С.-Петербургского университета (впервые в мировом востоковедении), кафедру возглавил В.В. Григорьев [12]. Целая плеяда выдающихся историков-тюркологов трудилась и училась здесь. Это – П.С. Савельев [13], И.Н. Березин, В.Г. Тизенгаузен [14], В.В. Вельяминов-Зернов, Н.И. Веселовский, В.В. Бартольд, В.Д. Смирнов, А.Ю. Якубовский и др. выдающиеся ученые-тюркологи³¹. Именно с этими именами связан начальный этап в изучении истории Золотой Орды и Крымского ханства.

Следует отметить Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова [15] (1830–1904 гг.), которым было осуществлено издание крымских и турецких документов по истории сношений Крымского ханства с Россией и Польшей, переписанные преподавателем татарского языка на факультете восточных языков Хусейном Фейзахановым (1828–1866). К сожалению, эти документы до сих пор должным образом не исследованы.

С открытием кафедры турецко-татарского языка в Казанском университете в 1828 году и кафедры турецкого

языка в С.-Петербургском университете в 1835 году, постепенно развивается османистика – направление в тюркологии. Первым его представителем, по мнению академика А.Н. Кононова, можно считать О.И. Сенковского. Далее за ним следуют в С.-Петербурге А.О. Мухлинский, И.Б. Петрашевский, В.Ф. Диттель, В.Д. Смирнов, М.С. Шапшал [16], А.Н. Самойлович, в Москве – Л.М. Лазарев, С.Е. Саков, С.Г. Церуниан, В.А. Гордлевский³².

Научный интерес к изучению турецко-татарского языка, истории Османской империи и Крымского ханства, связаны с деятельностью выдающегося тюрколога В.Д. Смирнова.

Василий Дмитриевич Смирнов [17] (1846–1922), выпускник факультета восточных языков (выпуск 1870 г.), ученик В.В. Григорьева и И.Н. Березина³³, основатель новой (после А.О. Мухлинского, был перерыв) русской османистической школы, магистр и доцент (1873), впоследствии экстраординарный (1884), ординарный (1888), заслуженный (1898) профессор, занимавший кафедру турецко-татарской словесности в течение полувека, вплоть до ликвидации факультета (сентябрь 1919 г.). Его докторская диссертация (1887) «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века» и продолжение этого труда «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России», до сих пор являются единственными научными работами по всему пери-

оду политической истории Крымского ханства. Как было выше замечено, конструктивной критики специалистов-тюркологов этих работ В.Д. Смирнова на сегодняшний день нет, а немногочисленные рецензии, опубликованные после выхода указанных работ, были лишь поверхностными. Это рецензии Н.И. Веселовского, В.С. Иконникова, Г.Ф. Карпова, И.А. Шамакова³⁴.

Николай Иванович Веселовский [18] учился на восточном факультете С.-Петербургского университета, он стал крупным востоковедом-тюркологом, десятки его работ и статей посвящены истории и этнографии крымских татар, к сожалению, множество его работ по истории Крымского ханства так до сих пор и не опубликованы [19].

Н.И. Веселовский в своей рецензии на книгу В.Д. Смирнова, высказался, на наш взгляд, достаточно справедливо, так он пишет: «полный критический разбор этого исследования невозможен одному специалисту»³⁵. Н.И. Веселовский также указывает на пробел в российском востоковедении, в изучении истории Крымского ханства: «Россия унаследовала Крымское ханство, на ней и лежит обязанность представить полную и безпристрастную историю этого ханства; к тому же средств у нас имеется для такой истории более чем где-либо. Но несмотря на всю важность и заманчивость подобной темы, она до самого последнего времени не находила у нас исполнителя, так как трудности, которые предстояло преодолеть, не могли быть под силу всякому»³⁶.

По всей вероятности, «трудности», о которых говорил Веселовский в начале XX века, по-видимому, так и не преодолены до сих пор. Прежде всего, это необработанность имеющихся источников по истории Крымского ханства, как русских и польских, так, в большей степени, крымских и турецких, а так же итальянских (Венеция и Генуя), необходимых для изучения начального этапа образования Крымского ханства. Шведские источники³⁷ также, по большей части, необработанны и не введены в научный оборот. До сегодняшнего дня, не произведена полная систематизация и критика выявленных источников, также необходим поиск новых источников и введение их в научный оборот. Нет сегодня и полной историографии по истории Крымского ханства, тем более что даже

в русской историографии работ по данной теме с конца XVIII – начала XX века достаточно для такого исследования. Надо признать неудовлетворительную научную разработку вопросов, связанных с внутренним устройством Крымского ханства, прежде всего, в культурной и социально-экономической сфере этого государства. Для этого необходимо из-учить, как было сказано выше, прежде всего, крымские и турецкие источники, например, «кадиаскерские книги», на что неоднократно указывали еще российские востоковеды.

На наш взгляд, одной из главных проблем по данному вопросу в Украине является отсутствие специалистов-тюркологов. Это связано, прежде всего, с тем, что подготовка таких специалистов без соответствующей государственной поддержки в нынешних условиях мало реальна. Так, на примере организации востоковедческих исследований в Российской империи, можно сегодня увидеть результат этой деятельности. За неимением собственных ученых-востоковедов, были приглашены иностранцы, усилиями которых бы-

ло предпринято создание научной школы по изучению Востока. Была подготовлена плеяда выдающихся востоковедов, в том числе востоковедов-тюркологов. Конечно, надо понимать идеологическую направленность востоковедения, которая была в Российской империи³⁸, тем не менее, вклад российских тюркологов существенен, прежде всего, нахождением и введением в научный оборот источников по истории Золотой Орды и «постордынских» государств. Так, например, монографии В.Д. Смирнова и сегодня являются актуальными, прежде всего, своим большим массивом фактического материала по истории Крымского ханства. К сожалению, подготовленные В.Д. Смирновым к изданию источники, которыми он пользовался, а также их перевод на русский язык, так и не были опубликованы полностью³⁹, не оставил он после себя учеников – исследователей, которые продолжили бы изучение истории Крымского ханства. Востоковеды-тюркологи в России в конце XIX – начале XX века, обратились к исследованию недавно завоеванных государств Средней

²⁵ Действовал до 1930 г. реорганизован в Институт востоковедения (с 1960-1968 г. Институт народов Азии) Академии наук СССР (в 1956 г. выделение Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР) – ЛО ИВ АН СССР – затем в Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения – СПбФ ИВ РАН – в настоящее время в процессе реорганизации в Институт восточных рукописей Российской Академии наук – ИВР РАН.

²⁶ Существующий сегодня в стенах дворца Музей истории и культуры крымских татар, организованный в 1996 году, к сожалению, не имеет соответствующего государственного статуса для такого изучения, но именно на базе которого, на наш взгляд, возможна реализация такого проекта, т.е. создание центра, с соответствующим научным статусом, по изучению истории Крымского Ханства.

²⁷ Кононов А.Н. Указ. соч. С. 141-142.

²⁸ Там же. – С. 185.

²⁹ Там же. – С. 162.

³⁰ Там же. – С. 165.

³¹ Кононов А.Н. Указ. соч. – С. 6.

³² Там же. – С. 234.

³³ Подробнее о В. В. Григорьеве и И. Н. Березине и их вкладе в развитие тюркологии см. статью: Непомнящий А. А. К вопросу о роли российской тюркологической школы в изучении Крыма в XIX веке: И.Н. Березин, В. В. Григорьев // Журнал народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – №4. – С. 102-108.

³⁴ Веселовский Н. И. [Рецензия] // ЖМНП. – 1889. – №1, отд. 2. – С. 168-203. – Рец. на кн.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.; [Рецензия] // Русский вестник. – 1890. – №8. – С. 248-251. – Рец. на кн.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. – Одесса, 1889.; Иконников В.С. [Рецензия] // РС. – 1888. – №5. – С. [II] – Рец. на кн.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.; Карлов Г. [Ф.] Отзыв о книге В.Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века». – ГИМ РФ ОПИ, ф. 369, оп. 1, д. 8, л. 3-13. Б/г.; Шамаков И. [А.] [Рецензия] // Екатеринославские губернские ведомости. – 1887. – 5 дек. – Рец. на кн.: В. Д. Смирнова Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.

³⁵ Веселовский Н. И. Указ соч. – С. 169.

³⁶ Там же. – С. 170.

³⁷ См. об этом: Вайнштейн О. Л. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции // Вестник АН СССР. – 1957. – №1. – С. 83-88; Возгрин В. Е. Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI-XVII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины, т. IX. – Ленинград, 1978. – С. 318-334.

³⁸ См. об этом подробнее: Зайцев И. В. Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей // Источниковедение Улуса Джучи. – Казань, 2001. – С. 269-313.

³⁹ См. об этом: Непомнящий А. А. В. Д. Смирнов – историк Крыма // Вып. II. 1991. – С. 156-160; Зайцев И. Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени // Тюркологический сборник 2003-2004, М. 2005. – С. 62-63.

Азии и территорий Кавказа. Только А.Н. Самойлович [20], учившийся на факультете, где преподавал В.Д. Смирнов, продолжил изучение языка и этнографии крымских татар, он также написал несколько статей по истории Крымского Ханства [21].

Следует отметить, что российские тюркологи конца XIX – начала XX века – выпускники факультетов восточных языков, уделяли внимание больше исследованиям языкознания, нежели истории государственности тюркских народов. Впрочем, изучение «восточных» языков являлось ключом к успеху в исследованиях по истории и этнографии тюркских народов. Непременным значением в изучении данных вопросов было знание, кроме тюркских языков, еще и арабского языка, так как многие тюркские народы, которые являлись государственно-образующим народом в той или иной стране, были мусульманами, и их письменность была на основе арабского письма. Исследователь-тюрколог XVIII – начала XX веков понимал, что без знания этих языков всестороннее исследование истории тюркских народов просто невозможно, это правило и в настоящее время является актуальным в изучении данной проблемы.

В заключении, следует отметить, что российское востоковедение XVIII – начала XX веков прошло сложный путь в своем развитии, и вклад ученых-востоковедов в исследовании тюркских народов, несомненно, значителен. Однако огромные пространства завоеванных Российской империей земель на юго-востоке требовали своего глубокого изучения, но возможностей для такого изучения у российского востоковедения было недостаточно. К сожалению, к началу XX века востоковедение в России не развивалось так динамично как в середине XIX века, и научно исследовать все тюркские народы, а тем более историю их государственности, было непосильным трудом. Так, изучение истории Крымского ханства, после выхода монографий В.Д. Смирнова, в силу вышесказанных причин, не получило своего дальнейшего развития, но опыт по организации востоковедческих исследований в России конца XVIII – XIX веков, безусловно, показателен и ценен. Остается лишь надеяться, что и в Украине тюркология займет свое достойное место, вследствие чего проблем по изучению истории

Литература.

1. *Негри А.Ф.* Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. – 1844. – Т. 1. отд. 2. – С. 379-392.; *Он же.* – Фирман данный турецким султаном Мустафою, по прошению константинопольского патриарха Серафима, митрополиту Гедону на Крымскую епархию // ЗООИД. – 1850. – Т. 2, отд. 2. – С. 680-684.; *Он же.* – Ярлыки крымских ханов // ЗООИД. – 1850. – Т. 2, отд. 2. – С. 675-679.; Мурзакевич Н.Н., [Негри А.Ф.] Эски-Крымская арабская надпись // ЗООИД. – 1850. – Т. 2, отд. 2. – С. 529-531.
2. *Путешествие* по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах / Пер. с нем. М. С[лавич]; Ред. Ф. К. Брун и Г. Э. Караулов // ЗООИД. – 1881. – Т. 12. – С. 62-208.; *Паллас П. С.* Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань / Пер. с нем. М.С[лавич]; Прим. Г. Э. Караулова // ЗООИД. – 1883. – Т. 13, отд. 1. – С. 35-107.; *То же.* – Одесса, 1883. – 73 с.; *Паллас П. С.* Примечания во время путешествия в южные провинции Русского государства в 1793 и 1794 годах. – СПб:ФАН, ф. 2, оп. 32, д.20.
3. *Дневник* путешествия в Южную Россию академика С.-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773-1774 г. / Пер. с нем. // ЗООИД. – 1879. – Т.11, отд. 2. – С. 180-228.
4. *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей: В 3 ч. – СПб., 1776 – Ч.1. – 89 с.; ч.2. – 188 с.; ч.3. – 170 с.; *То же.* – 2-е изд. СПб., 1799.
5. *Френ Х.Д.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных мухаммеданских династий в прибавлении из прежнего собрания / Пер. с нем. М. Волков. – СПб., 1832. – XVI, 80, XVII с.; См. также многочисленные работы Френа (С.М. Fraehn) на др. языках: Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы, конец XVIII – начало XX вв., 2001. – С. 676-677.
6. *Вельяминов-Зернов [В.В.], Бросе [М.И.], Куник [А.А.], Шифнер [А.А.]* О собрании рукописей и других древностей, предложенных г. Фирковичем в продажу императорской Публичной библиотеке // Записки императорской Академии наук. – 1862. – Т.1. протоколы. – С. 255-261.
7. *О грамотах* и ярлыках крымских ханов // ТГВ: Приб. – 1842. – 2 дек.; *Ярцов Я.* Ярлыки крымских ханов. – ИРНБУВ, ф. 5, оп. 1, д. 868-885. Б/г.
8. *Радлов В.[В.]* Еще несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ // ЖМНП. – 1877. – №12. – С. 98-119.; *Он же.* – Образцы народной литературы северных тюркских племен. – СПб., 1896. – Ч.

VII: Наречия Крымского полуострова. – XVIII, 408, 527.; *Он же.* – Опыт словаря тюркских наречий; Versuch eines wörterbuches der/я Türk-Dialecte: В 4 т. – СПб., 1893. – Т. 1. – XVIII, 1914, 66 с.; 1899. – Т. 2. – 1814, 64 с.; 1905-1911. – Т. 3-4. – 2230, 107 с.

9. *Катанов Н.Ф.* О двух намогильных памятниках в музее императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. – 1913. – Т. 31, отд. 2. – С. 146-147 + Прил. – Крымскотатарский текст в арабской графике и русский перевод.

10. *Сейд-Мухаммед-Риза.* Семь планет в известиях о царях татарских, содержащие историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. 871/1466 по 1150/1717 гг. / Пер. и подгот. А.К. Казем-Бек. – Казань, 1832.

11. *Березин И.Н.* Внутреннее устройство Золотой Орды. – СПб., 1850. – 24 с.; *Он же.* – Внутреннее устройство Улуса Джучиева // Труды Восточного отделения императорского Археологического общества. – 1864. – Ч.8. – С. 387-494.; *Он же.* – Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга // ЖМНП. – 1846. – № 5, отд. 3. – С. 33-48; 1847. – № 5, отд.3. – С.33-56; 1848. – №7, отд.3. – С. 21-36; 1850. – №12, отд. 3. – С. 13-46.; *Он же.* – Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирая, с введением, переписью, переводом и примечаниями. – Казань, 1851. – 56 [1] с.; *Он же.* – Тарханные ярлыки крымских ханов // ЗООИД. – 1872. – Т. 8, отд.2: Приб. К сб. материалов. – С. 1-9; *Он же.* – Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирей и Мухаммед Гирей // ЗООИД. – 1872. – Т. 8, отд. 2.: Приб. к сб. материалов. – С.10-23.; *Он же.* – Ханские ярлыки Тохтамыш-хана к Ягайлу 1392-1393 гг. – Казань, 1850. – 72 с.; *Он же.* – Первое нашествие монголов на Россию // Журнал министерства народного просвещения. – 1853. – Ч. 79. – №9. – Отд. 2. – С. 221-250.

12. *Григорьев В.В.* О ярлыках. – РГИА, ф. 853, оп. 1, д. 216, л 1-11. Б/г; *Он же.* – Ярлыки Тохтамыша к Сеадет-Гирая /Пер. Я.О. Ярцова // ЗООИД. – 1844. – Т.1, отд. 2. – С. 337-346; *Он же.* – Монеты Джучидов, генуэзцев и Гиреев, бытия на Таврическом полуострове и принадлежащие Одесскому обществу истории и древностей. – Одесса, 1843. – 41 с.; *То же* // ЗООИД. – 1844. – Т.1. – С. 301-314, 654.; *Он же.* – Несколько новых видов и вариантов Джучидских монет // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. – 1864. – Ч.8. – С. 319-334.; *Он же.* – Татары и ногайцы в Крыму. РГИА, ф. 853, оп. 1, д. 216, л 12. Б/г.; Россия и Азия: Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом. – СПб., 1876. – II, 572 с. *Он же.* – Исторический обзор Крыма: Текст публичной лекции о Крымском полуострове. – РГИА, ф. 853, оп. 1, д. 216, л 12. Б/г.

13. *Савельев П.С.* Мухаммеданская ну-

мизматика в отношении к русской истории: Топография кладов с восточными монетами и изданиями VII, VIII, IX, X и XI века, в России и прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы в эпоху основания русского государства. – СПб., 1846. – ССХХIII, 180 с.; *Он же.* – О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. – 1849. – Т. 1. – С. 78-88.; *Он же.* – Замечание о генуэзско-крымской монете, упомянутой в предыдущей статье // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. – 1849. – Т.1. – С. 231-233.; *Он же.* – Монеты Джучидов, Джагатайдов, Джелараидов, и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в Эпоху Тохтамыша: В 2 вып. – СПб., 1857-1858. – Вып.1. – 180, X с.; Вып. 2. – С.181-340, I-X.; *Он же.* – О привнесении И.Н. Холмогоровым в дар Археологическому обществу 28 медных монет джучидских, оттоманских и крымских // Известия императорского Русского археологического общества. – 1859. – Т. 1. – С. 121-122.

14. *Тизенгаузен В.Г.* Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике. – СПб., 1878. – 32 с. Материалы для библиографии мусульманской археологии. Из бумаг барона В.Г. Тизенгаузена // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. – 1906. – Т. 16, вып. 1. – С. 079-0145; вып. 3. – С. 0213-0416.; Сборник документов относящихся к истории Золотой Орды, т.I. Извлечения из арабских источников. СПб, 1884.; Сборник документов относящихся к истории Золотой Орды, т. II. Извлечение из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л., 1941.

15. *Вельяминов-Зернов В.В.* Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел. – СПб., 1864. – [940] с.; *Он же.* – Исследование о касимовских царях и царевичах – СПб., 1863. – Ч.1. – XII, 558 с.

16. *Шаншал С.М.* О двух грамотах турецкого султана Абдул-Халида 1-го: Из коллекции рукописей Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. – 1913. – №49. – С.142-149.

17. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887. – XXXV, 772 с.; *Он же.* – Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. – Одесса, 1889. – 262 с.; *Он же.* – Сборник некоторых важных известий и официальных документов, касательно Турции, России и Крыма. – СПб., 1881. – LXXXV, [260] с.; *Он же.* – План поездки в Крым, предпринимаемой летом 1886 г. для ознакомления с документами симферопольских архивов по истории Крыма и Турции. – СПб:ФИВРАН, ф. 50, оп. 1, д. 90. 1886 г.; *Он же.* – Крымско-ханские

грамоты // ИТУАК. – 1913. – №50. – С. 140-178.; *Он же.* – Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической Ученой Архивной Комиссии // ИТУАК. – 1918. – №54. – С. 1-19.

18. *Веселовский Н.[И.]* Рецензия // ЖМНП. – 1917. – Март/апр. – С. 118-130. – Рец. на ст.: Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам // Записки историко-филологического факультета Петроградского университета. – 1916. – Ч. 133.; *Он же.* – Об издании кадиаскерского сакка // ИТУАК. – 1918. – №54. – С. 276-278.; *Он же.* – Благодарственная халифская грамота 1779 года // ИТУАК. – 1913. – № 50. – С.77-80.; *Он же.* – [Рецензия] // ЖМНП. – 1889. – №1, отд. 2. – С. 168-203. – Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.; *Он же.* – Татарское влияние на русский посольский церемониал в Московский период русской истории. – СПб., 1911. – 19с.; *Он же.* – Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазукина в 1679 году // ЗООИД. – 1912. – Т.30. – С. 179-216.; *Он же.* – О турецко-татарском слове тыш («зуб») в дипло-матических документах // ЖМНП. – 1915. – №4. – С. 329-331.; *Он же.* – О татарском влиянии на русский посольский церемониал до Петра Великого // Археологические известия и заметки, издаваемые императорским Московским археологическим обществом. / Под ред. А.В. Орешникова. – 1893. – №9/10. – С. 386-387. *Он же.* – Статуи воинов из категории «каменных баб» // ИТУАК. – 1911. – № 45. – С. 27-30, 2 л. ил.

19. *Веселовский Н.И.* [Записки и выписки о крымских татарах]. – РГАЛИ, ф. 118, оп.1, д. 312, л. 1-23. Б/г. [Записки о посуде крымских татар]. – РГАЛИ, ф. 118, оп.1, д. 313, л. 1-10. Б/г.; *Он же.* – О происхождении деревни Саки. – РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 371, л. 1-15. Б/г.; *Он же.* – Этнографические записки о татарах в Крыму. – РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 564, л. 1-80. 1906; *Он же.* – Описание Бахчисарайского ханского дворца. – РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 368, л. 1-20. Б/г.; *Он же.* – Заметка о сабле из собрания А. Л. Бертье-Делагарда. – ИИМК РАН РА, ф. 18, оп. 1, д. 120, л.1-2. Б/г.; *Он же.* – [О Крым-Гирее]. – РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 311, л. 1-4. Б/г.; *Он же.* – О портрете Шагин-Гирея. – ИИМК РАН РА, ф. 18, оп. 1, д. 152, л.1 Б/г.; *Он же.* – Тамга Гиреев: К сборнику «Крымский альбом». – ИИМК РАН РА, ф. 18, оп. 1, д. 56, л. 1-8. Б/г.; *Он же.* – О турецко-татарском слове тыш («зуб») в дипломатических документах. – ИИМК РАН РА, ф. 18, оп. 1, д. 51, л. 1-4. 1915. – Текст рукописи отличается от опубликованного варианта. Прим. (Непомнящий А. А.); *Он же.* – [Черновые записки по истории Крымского ханства]. РГАЛИ, ф. 118, оп.1, д. 567, л. 1-41. 1912 г.; *Он же.* – [Дополнение к изданию «Ногайских дел»].- РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 308, л. 1-16. Б/г.; *Он же.* – [О ханских ярлыках]. – РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 310, л. 1-21. Б/г.; *Он же.* – [Справочные сведения о крымских ханах]. – РГАЛИ, ф. 118 оп. 1, д. 570, л. 1-5. Б/г.

20. *Самойлович А. Н.* К вопросу об этнографическом изучении Крыма // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1916. – 1917. – Т.6. – С.130-134.; *Он же.* – О материалах Радлова о народной словесности крымских татар и караимов // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1916. – 1917. – Т.6. – С. 118-124.; *Он же.* – Таттарин о татарах // Восточный сборник. – 1916. – Кн. 2. – С. 71-75.; *Он же.* – Песни крымских татар про вторую Отечественную войну: Памяти Исмаил-мирзы Гаспринского // Живая старина, 1914. – 1915. – Вып. 3/4. – С. 409-420.; *Он же.* – Среди ставропольских туркмен и у крымских татар: Отчет о командировке в 1912 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях: Сер. 2. – 1913. – №2. – С. 54-74.; *Он же.* – [О научной поездке в Бахчисарай весной 1913 года] // ИТУАК. – 1913. – № 50. – С. 293-295.; *Он же.* – Песнь о крымских событиях // ИТУАК. – 1913. – № 50. – С. 81-98.; *Он же.* – Об изменении в 12-летнем цикле у некоторых турецких племен // ИТУАК. – 1913. – №49. – С. 133-138; *Он же.* – Мусульманская периодическая печать // Мир ислама. – 1912. – Вып. 2. – С. 251-287; Вып. 3. – С. 463-492; Вып. 4. – С. 611-644.; *Он же.* – Крымская песня про Порт-Артур // Живая старина. – 1910. – Вып. 1/2. С. 129-131 (Изд. под псевд.: С-ч А.); Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибулла-Керем // ИТУАК. – 1913. – №50. – С. 205-221; *Он же.* – Литература турецких народов // Литература Востока. – Пг.: Всемирная литература, 1919. – Вып.1. – С. 34-39.; *Он же.* – Крымско-татарские скороговорки // Сборник Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого при Российской Академии наук. – 1918. – Т. 5, вып.1. – С. 197-200.; *Он же.* – К истории крымскотатарского литературного языка // Вестник научного общества татароведения. – 1927. – №7. – С.27-33.; *Он же.* – Избранные труды о Крыме. – Симферополь: Доля, 2000. – 296 с.

21. *Самойлович А. Н.* Предварительное сообщение о новом списке сокращения «Семь планет» Мухаммеда Ризы // ИТУАК. – 1913. – № 9. – С. 139-141.; *Он же.* – Тийиш (тишь) и другие термины крымскотатарских ярлыков // Известия Российской Академии наук: Сер. 6. – 1917. – №15. – С. 1277-1278.; *Он же.* – Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга: Посвящается памяти В. В. Григорьева // Известия Российской Академии наук: Сер. 6. – 1918. – № 10. – С. 1109-1124.

При составлении ссылок на труды русских востоковедов использованы работы: *Непомнящий А. А.* История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы, конец XVIII – начало XX века. Симферополь, 2001; *Кайбуллаев Ш., Халипова Д.* Крым и крымские татары. Краткий библиографический указатель. – Крымучпедгиз, 2003.

НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КРЫМА

Дамир
ИСХАКОВ

Монография «Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV – первой половины XX вв.» – событие в науке и культуре Крыма и Украины. Это многолетний научный труд Н.М. Акчуриной-Муфтиевой – кандидата архитектуры, заведующей кафедрой изобразительного и декоративно-прикладного искусства Крымского инженерно-педагогического университета. Содержание работы раскрывается с глубоким профессионализмом, широко и ярко, представлено как завершенная система коллективного творчества народа, в котором объединены все компоненты: этапы развития, типология, стилистика, художественные особенности, образы, достаточное емкое понятие – крымскотатарское декоративно-прикладное искусство. Предметы быта, их форма, орнаментика, стилистика, художественные особенности и техника исполнения – все это складывает завершенный образ жизни человека. Отображающие социальные, морально-этические, эстетические, философские, религиозные нормы и взгляды конкретного народа.

Опираясь большим материалом, автор удачно соединяет теоретические разработки, исторические и этнографические факты, искусствоведческий анализ, вопрос возрождения на современном этапе во многом утерянной культуры.

Декоративно-прикладное искусство крымских татар рассмотрено в монографии в разных аспектах:

- как историческое явление, отражающее генезис, этническую историю народа;
- как составляющая материальной и духовной традиционных культур, народного быта, обычаев, обрядов;
- как проявление этико-психологических норм и ценностей, особенностей национальной культуры;
- как явление, в котором отображаются эстетические представления и художественная культура народа в целом;
- как многовековой коллективный опыт народа, лучшие традиции которого наследуются последующими поколениями;
- как практика народных традиций (расположение и соответствие отдель-

ных орнаментальных мотивов определенным предметам; совершенное использование материалов, форм, колорита и декора в зависимости от назначения предметов быта и одежды и т.д.);

– как культурное наследие, возрождение достижений которого является залогом развития профессионального, национального декоративно-прикладного искусства; источник трансформации культурных ценностей прошлого.

Структура монографии отличается четкостью, профессиональным уровнем обобщений, наглядностью и соответствием иллюстративного материала тексту, состоит из введения, четырех разделов, выводов, словаря крымскотатарской терминологии и списка использованной литературы. Иллюстрации к основным разделам представлены на 64-х страницах цветной вклейки, гармонично объединены в тематические таблицы. Работа построена на синтезе разных направлений науки и творчества, которые прямо или косвенно касаются истории крымскотатарского декоративного искусства с привлечением методик исследований смежных наук. Это добавляет многомерности и разносторонности раскрытию темы. Информация из археологии, этнографии, лингвистики, изобразительного искусства; исследование подлинных произведений, хранящихся в фондах различных музеев, иконографии, рукописей, архивных документов помогает Н.М. Акчуриной-Муфтиевой расширить временные границы, обрисовать масштабность этого направления культуры, представить живописную панораму эволюции крымскотатарского декоративного искусства.

Ради раскрытия сложного понятия «крымскотатарское декоративно-прикладное искусство» многие вопросы историко-культурного и теоретического направления требовали детальной хронологически-последовательной разработки. Это дает возможность читателю легко и в то же время целостно, с интересом воспринимать большой по объему и насыщенности материал. Стройная композиция, последовательность изложения текста, четкое структурирование содержания, выразительность иллюстративного материала сделали возможным проследить формирование и становление крымскотатар-

ского декоративного искусства, начиная с периода непосредственно предшествовавшего образованию Крымского ханства и до депортации народа с территории Крыма.

В исторической части исследования автор доводит, что формирование крымскотатарского этноса на территории Крыма проходило с древнейших времен, что подтверждается антропологическими, историческими и археологическими свидетельствами. Формирование же искусства до распространения ислама и создания Крымского ханства находилось под влиянием разнообразных культур народов, населявших Крым, что прослеживается в деталях одежды, украшениях, орнаментике. Приведенные в книге фотографии предметов быта и орнаментальных мотивов фиксируют культурные влияния на крымских татар Греции, Византии, Малой Азии. С созданием крымскотатарской государственности расширяются культурные взаимодействия с Турцией, Россией и, в частности, с народами исламского ареала, Западной Европой и др.

Территория Крыма являлась контактной зоной, наполненной историческими событиями, взаимодействием культур разных народов и цивилизаций. Наряду с временным раскрытием декоративного искусства в рассматриваемой работе анализируются культурные влияния народов, которые на то время были во взаимодействии с крымскими татарами, что помогает автору проследить динамику этнокультурных взаимоотношений, объясняет формирование общенациональных черт и региональные особенности названий предметов быта и одежды, а также преобладания тех или иных орнаментальных мотивов. Взаимопроникновение культур было одной из особенностей формирования крымскотатарской культуры.

В разделе морфологии декоративно-прикладного искусства XV – первой половины XX вв. на базе зарисовок, фотофиксации и обследования образцов из фондов 15 музеев, детально обследована типология различных видов декоративно-прикладного искусства, анализируются их конструктивные, технологические и художественные особенности.

Четвертый раздел посвящен крымскотатарскому народному орнаменту. Автор впервые раскрывает его типологию, номинацию, символический контекст основных орнаментальных мотивов, выявляет традиции композиционного размещения. Отмечается, что с созданием исламского государства на территории Крыма большая часть орнаментальных сюжетов меняет, в основном, не форму, а смысловое содержание. Мусульманская трактовка и символический контекст мотивов прочно входят в жизнь народа, раскрывая смысловое содержание и назначение орнаментированного изделия.

Монография дополняется богатым приложением цветных иллюстраций, собранных автором в фондах многочисленных музеев Украины и ближнего зарубежья. Уникальный фотоматериал дает возможность читателям наиболее полно представить богатство декоративного искусства крымских татар, многие годы находившегося под запретом.

Дополняет информационную базу важный для науки словарь крымскотатарских терминов, раскрывающий различные понятия предметов быта, орнаментальных мотивов, типы швов, техники ткачества, вышивки, художественного металла, резьбы по камню. Дается их искусствоведческое объяснение. По каждому понятию приводятся названия в соответствии с диалектами, дословный перевод, указываются при необходимости вариативные и географические характеристики названий предметов и орнаментики у крымских татар. Краткая характеристика основных черт и символического контекста позволяют получить полное представление о предметах искусства и различных техниках, проводить правильное «чтение» орнаментальных мотивов, выделить исходное пространственное содержание орнамента и его дополнительных деталей.

Одним словом, приложенный к изданию словарь – это еще один источник культурологической информации, который, без сомнения, будет полезен широкому кругу не только ученых, но и ценителей крымскотатарского искусства.

Монография дает возможность почувствовать историю и вдохновить на дальнейшие пути развития художественной культуры Крыма, и крымских татар в частности.

НАШИ АВТОРЫ

Дамир Исхаков,
доктор исторических наук, главный
научный сотрудник, руководитель
Центра этнологического мониторинга
Института истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан.

Рефат Куртиев,
историк-краевед,
исследователь истории и
этнографии крымтатар.

Дмитрий Николаенко,
доктор географических наук, профессор.
Работает в Международном центре
туризма и бизнеса (Санкт-Петербург).
Интересы: исследование процессов
освоения территорий в различных
культурах.

Рустем Эминов,
заведующий этнографическим
отделом Музея истории
и культуры крымских татар
при Бахчисарайском
историко-культурном
заповеднике.